

I.

Святитель Димитрій Ростовскій.

„Да дають іереи дѣтей своихъ въ училища для того нарочно, что-бъ священническія дѣти не были глупы. Да егда вмѣсто ошець своихъ сподобятся священнаго сана, умѣли бы въ церкви поучать не точію книжнымъ чтеніемъ, но и наизустнымъ словомъ Божія сказаніемъ“.
(Епархіальное посланіе св. Димитрія).

Въ эту новую годовщину престольнаго праздника до мовой церкви Ставропольской Духовной Семинаріи радъ предложить просвѣщенному вниманію свѣдѣнія изъ жизни и дѣятельности верховнаго покровителя семинаріи и ея храма, святителя Димитрія, „православія резнителя и раскола искоренителя“. Душевно почиталъ бы себя вполнѣ удовлетвореннымъ и счастливымъ, если бы нижепомѣщаемыя свѣдѣнія хоть на мигъ остановили на себѣ вниманіе юнаго читателя—воспитанника Ставропольской Семинаріи или дали бы благодатно—укрѣпляющую духовную силу и пищу одному изъ многихъ, нынѣ стоящихъ на разныхъ служебныхъ ступеняхъ въ обширной Ставропольской, а равно и Сухумской епархіяхъ, бывшихъ воспитанниковъ Ставропольской Духовной Семинаріи.

Какъ защитникъ слабыхъ и угнетаемыхъ, какъ обличитель недостатка любви между людьми, отсутствія братства между ними и утѣшенія однихъ другими, какъ, наконецъ, проповѣдникъ высокихъ идеаловъ священнослужителя, святитель Димитрій достоинъ особеннаго вниманія именно въ наше время религіозно-нравственнаго шатанія и жестокосердія. „Любовь выше всего“—вотъ завѣтъ святителя и внутренній смыслъ всѣхъ его проповѣдей и епархіальныхъ посланій. Любовь къ Богу, любовь къ ближнему и любовь пастыря къ высокому своему званію—вотъ на что больше всего и чаще указываетъ святитель во все теченіе своей многотрудной и многополезной жизни. А любовь и заботливость его о просвѣтленіи грамотой темныхъ народныхъ массъ вообще и дѣтей духовенства въ частности и особенности—ставятъ его на ряду съ лучшими и полезнѣйшими духовными администраторами не только того отдаленнаго времени, но и ближайшаго нашего времени.

Кромѣ того, являясь выдающейся личностью среди дѣятелей русской церкви, святитель Димитрій, какъ крупная величина въ русской исторіи и какъ поборникъ реформъ Петра I, представляютъ собою и исторической интересъ. Во многихъ его письменныхъ трудахъ мы находимъ цѣнныя указанія на многія выдающіяся событія изъ внутренней жизни не только въ сферѣ духовной и церковной, но и вообще во внутренней жизни Россіи того времени въ сферѣ административно-политической. Такимъ образомъ и съ этой стороны изученіе жизни—дѣятельности св. Димитрія представляетъ глубокій интересъ.

Въ декабрѣ 1651 года въ мѣстечкѣ Макаровѣ, въ верстахъ 40 отъ Кіева, по Житомирскому тракту, у рядового казака Макаровской сотни кіевского полка Саввы Григорьевича Туптала и жены его Маріи Михайловны родился сынъ Даніилъ—будущій святитель Ростовскій. Савва Туптало происходилъ изъ шляхетской фамиліи Сави-

чей и стоялъ въ Макаровѣ, послѣ Бѣлоцерковскаго мира, по распоряженію Богдана Хмѣльницкаго и полковника своего Антона Ждановича. Въ то время Малороссія находилась еще подъ польской державой, но гетманъ уже тянулъ къ Москвѣ: такъ въ 1650 году каневскій полковникъ Савичъ ѣздилъ въ Москву отъ Богдана. И отецъ и мать Давиила, люди еще не старые, отличались большой набожностью, по свидѣтельству самого Димитрія, да и сама жизнь тому способствовала: по всей Украинѣ свирѣпствовали непрерывныя войны, а годъ спустя послѣ рожденія Давиила было сильное моровое повѣтріе, извѣстно же, какъ усиливается религіозное чувство въ годину общественныхъ бѣдствій. Въ самый годъ рожденія будущаго святителя была Радзивилова война. Гетманъ Янъ Радзивиль, послѣ битвы подъ Берестечкомъ, съ литовскимъ войскомъ подступилъ къ Кіеву и сжегъ Подоль. Надо думать, что и въ Макаровѣ было житье не спокойное. Въ 1654 году сотникъ Туптало былъ на Переяславской радѣ, а въ 1660 году переселился въ Кіевъ подъ высокую руку Великаго Государя Московскаго, въ томъ же званіи сотника. Въ Кіевѣ у него родились три дочери: Памфилія, Февронія и Параскева, принявшія впослѣдствіи постриженіе и бывшія преемственно игуменіями ими же основаннаго Николаевскаго Іорданскаго монастыря.

О дѣтствѣ святителя мы ничего не знаемъ. Конечно, наибольшее вліяніе оказывала религіозная мать, такъ какъ отецъ, „честь и слава Запорожскаго войска“, рѣдко бывалъ дома. Что касается впечатлѣній внѣшней обстановки, то о природной красотѣ Кіева и окружавшей его мѣстности говорить нечего. Приведемъ современныя показанія иностранцевъ и русскихъ, путешествовавшихъ по Украинѣ, о самомъ городѣ и его жителяхъ. Улицы Кіева представляли неправильныя кривыя переулки, дома выстроены были по московскому образцу—рядомъ, низко въ одинъ ярусъ, освѣщались вмѣсто свѣчь лучиной и окружены были садами вишневыхъ и миндальныхъ деревьевъ;

въ Днѣпрѣ было изобиліе рыбы; жители вели торговлю хлѣбомъ, мѣхами, воскомъ, медомъ, саломъ и соленой рыбой, страшно пьянствовали, строго соблюдали посты... вотъ что характернаго занесъ въ свои записки Бопланъ. Павелъ Алеппскій, архидіаконъ Макарія, патріарха Антіохійскаго, видѣвшій Кіевъ въ 1654 году, рассказываетъ о высокихъ, чисто выстроганныхъ домахъ, каменныхъ палаццахъ поляковъ и евреевъ, о куполахъ церквей, горящихъ золотомъ и прекрасно расписанныхъ внутри, о изобиліи садовъ и рыбы. Старецъ Леонтій (1701 г.) также хвалитъ Кіевъ: „всюду сады, есть гдѣ погулять .. на Подолѣ большая грязь, но строеніе узорочное... туда утромъ стрѣльцы ходятъ торговать..., (малороссы) тщательны и много у нихъ чудотворныхъ иконъ, а письмо иное кажется живописью. Сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу и къ нищимъ податливы вельми, да жинки ихъ въ конецъ раззорили“.

Домъ Тупталы былъ расположенъ на Подолѣ, „на плацу неkdись Салтановскомъ“, между Флоровскимъ женскимъ монастыремъ и Притиско-Николаевскою церковью. Первоначальное образованіе Димитрій получилъ дома и въ 1662 году, 11-ти лѣтъ отъ роду, научился писать по славянски. А между тѣмъ „военное небезпеченство“ не прекращалось. Во время измѣны Выговскаго Ю. П. Барятинскій повѣсилъ по дорогамъ къ Кіеву до 3000 чело-вѣкъ и послѣ плѣна Шереметьева въ 1660 году предлагалъ высѣчь и выжечь все пространство па западъ отъ Кіева верстъ на 150. Въ 1658 году казаки Выговскаго сожгли кіевскій посадъ на Лыбеди, и мѣщане прятались въ городъ и на суда на Днѣпрѣ. Въ 1661 году Барятинскій грабилъ мѣстности Печерскаго монастыря, а ратные люди бѣжали изъ Кіева, не получая жалованья.

Кіевскіе монахи враждавали съ мѣщанами изъ-за земель, сносились съ поляками и доносили другъ на друга московскимъ воеводамъ и чиновникамъ; мѣщане ссорились съ казаками; жившій въ Кіевѣ епископъ Меодій

ссорился съ епископомъ Лазаремъ Барановичемъ, былъ проклятъ, а потомъ прощенъ константинопольскимъ патріархомъ, дѣйствовалъ противъ гетмана за Москву и мирился съ нимъ, измѣняя Москвѣ; бѣлое духовенство враждовало съ чернымъ; въ церквахъ приходскихъ поминали Меѳодія, въ монастыряхъ—патріарховъ и Лазаря Барановича; воевода кievскій Львовъ былъ старъ, къ ратному дѣлу не способенъ, вообще, говоря словами того же епископа Меѳодія (въ 1635 г.), „кромѣ слезъ, худобы и вдовства въ Кіевѣ ничего не сыщешь“. Несомнѣнно, что тяжелы были первыя впечатлѣнія дѣтства святителя.

Влучившись читать и писать, Даніиль Савичъ былъ отправленъ въ Кіевобратскій училищный монастырь, въ которомъ новый ректоръ, знаменитый писатель Іоанникій Галятовскій выстроилъ новыя зданія, открылъ классы по риторикѣ и самъ въ нихъ преподавалъ. Этимъ школамъ покровительствовалъ и блюститель Меѳодій. При поступленіи въ collegію въ 1662 году, Даніиль былъ свидѣтелемъ торжественнаго внесенія новообрѣтенной чудотворной иконы Пр. Богородицы Братской въ новую церковь collegіи. Чудесная находка иконы, на которой вплавъ спасся татаринъ, тонувшій на Днѣпрѣ, должна была сильно подѣйствовать на развитіе мистицизма въ душѣ Даніила. О collegіи, даже о внѣшнемъ видѣ ея, почти ничего не знаемъ. Предъ рѣшетчатыми воротами стояли столбы для колоколовъ. Въ трапезной палатѣ было изображеніе Господа, искушаемаго сатаной, милосерднаго самарянина и др., вотъ и все наши свѣдѣнія. Если судить по позднѣйшимъ извѣстіямъ (около 1673 г.), то состояніе collegіи было незавидное. „Въ школахъ порядка да и науки мало. Это потому, что зябнетъ Паллада безъ хлѣба (*friget sine Cerere Pallas.*), какъ читаемъ въ письмѣ его милости о. архипастыря. Порціи учителямъ для ихъ подкрѣпленія нѣтъ, столь часто бываетъ плохой (трапеза плоха), учителя не имѣють самага необходима-

го, а это возбуждаетъ въ нихъ болѣе скорбь, нежели рвеніе къ наукѣ“.

Нѣкоторые изъ братіи, глядя на старшаго, „не часто обиваютъ пороги церковные“, а это происходитъ за отсутствіемъ порядка. Даниль отличался въ стихотворствѣ и витійствѣ, конечно, благодаря ректору—автору извѣстнаго „Ключа разумѣнія съ наукойъ альбо способомъ сложенія казанія“, уже успѣвшаго къ тому времени выдержать два изданія 1659 и 1660 г.г. Въ 1665 году коллегія, во время нашествія Дорошенки, была совершенно разрушена, и возобновлена лишь въ 1669 году, такимъ образомъ Данилу пришлось поучиться въ коллегіи только три года (1662—65 г.г.).

Занимался ли онъ тамъ впоследствии, при ректорѣ Варлаамѣ Ясинскомъ, до вторичнаго въ 1671 году разрушенія коллегіи,—не знаемъ. А что дала Данилу школа вообще—увидимъ ниже.

Слабое здоровье, окончательно измѣнившееся подъ старость, врожденная склонность къ тихой сосредоточенной жизни, глубокая религіозность, поддерживаемая и окружающими обстоятельствами, быть можетъ чувство собственной небезопасности, заставили Данила, съ согласія родителей, поселиться въ древнемъ, укрѣпленномъ самой природой Кирилловскомъ монастырѣ, лежащемъ на живописной горѣ, верстахъ въ трехъ отъ Кіева, а затѣмъ 9 іюля 1668 года принять монашество съ именемъ Димитрія отъ игумена Мелетія Дзика. Необходимость разяснить, въ какую среду и подъ чье руководство попалъ семнадцатилѣтній монахъ, заставляеть насъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ тогдашнюю смутную эпоху Украины духовенство принимало большое участіе въ политическихъ дѣлахъ. „Черезъ чернцовъ—по словамъ нашихъ полномочныхъ XVII вѣка—можетъ всякое дѣло состоятися, согласное и развратное пріяти въ кротость“. Симпатіи малорусскаго духовенства въ моментъ присоединенія Малороссіи раз-

дѣлились: низшее, бѣлое, приходское тянуло къ Москвѣ, высшее, черное, смотрѣло болѣе на свои выгоды. Исслѣдователи объясняютъ эту роль двояко: С. М. Соловьевъ *) говоритъ, что высшіе малорусскіе духовные, привыкнувъ играть видную роль, независимую ни отъ кого, кромѣ далекаго константинопольскаго патріарха, относились недоброжелательно къ Москвѣ, предчувствуя грядущую зависимость отъ московскаго патріарха. Н. И. Костомаровъ **) объясняетъ эту неприязненность не честолюбіемъ владыкъ, а нерасположенностью ко всему московскому, яко бы грубому, варварскому. Оба мнѣнія, взаимно не противорѣчашія, приняты С. А. Терновскимъ ***). Какъ бы то ни было, разнь духовенства и нерасположеніе монашества къ Москвѣ-факты, не требующіе доказательствъ. Въ то время, когда Богданъ присягаль Москвѣ, митрополитъ кievскій Сильвестръ Коссовъ никогда о томъ челомъ не билъ и милости царской себѣ не искалъ. Въ 1654 году архимандритъ печерскій Гизель, посланный митрополитомъ къ царю, подалъ челобитную объ утвержденіи правъ малорусскаго духовенства: о неизятіи ихъ изъ подъ власти константинопольскаго паріарха, о непосыланіи московскихъ духовныхъ на малороссійскія должности и проч. Во время измѣны Выговскаго, духовенство и во главѣ его митрополитъ Діонисій Балабанъ, уже и прежде недолюбливавшіе Москву, перешли къ полякамъ и успѣли выговорить себѣ право засѣдать въ сенатѣ, съ голосомъ наравнѣ съ католическими прелатами. Московское правительство, конечно, Балабана не признало, и временнымъ блюстителемъ кievской митрополии въ октябрѣ 1659 года былъ назначенъ Лазарь Барановичъ. Но Лазарь въ то время былъ сторонникъ только политическаго, а не духовнаго подчиненія Москвѣ. Онъ хода-

*) Исторія Россіи XI—22; XII—38.

**) Богданъ Хмѣльницкій II—67.

***) Архивъ Ю.—З. Россіи I, Кіевъ, 1873. стр. 30—31.

тайствоваль о постановленіи митрополита и, надо думать что въ отвѣтъ на неумѣстныя просьбы Москва смѣнила Лазаря и на его мѣсто 5 мая 1661 года поставила блюстителемъ митрополіи епископа Меѳодія. Послѣдній поселился въ Кіевѣ къ великому недовольствію чернаго духовенства, и, по проискамъ Балабана, былъ проклятъ въ 1662 году константинопольскимъ патріархомъ; о снятіи проклятія хлопоталь самъ царь. Предъ Нѣжинской радой (18 іюня 1663 года) настоятели кіевскихъ монастырей и среди нихъ Гизель, Голятовскій и Дзикъ, осиротѣлые послѣ пастыря (измѣнившаго Москвѣ Балабана) „овечки“, какъ они сами себя называли, составили посланіе къ гетману Самку врагу Меѳодія и Брюховецкаго, и старшинѣ войска запорожскаго съ жалобами на Меѳодія, обвинявшаго ихъ въ измѣнѣ Москвѣ и ставшаго ихъ великимъ губителемъ и непріателемъ. Но Меѳодій съ Брюховецкимъ были въ силѣ и Самко, за мнимую или дѣйствительную измѣну, былъ казненъ. Въ томъ же 1663 году 10 мая, въ Корсуни (на польской Украинѣ) былъ избранъ духовенствомъ на кіевскую митрополію ставленникъ Балабана, епископъ бѣлорусскій (съ 3 августа 1661 г.) Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій—врагъ своего совмѣстника по епархіи Меѳодія. Польское правительство схватило нареченнаго митрополита Іосифа и продержало въ заточеніи до 1667 года. Тукальскій, освобожденный въ 1667 году, уговариваль въ Чигиринѣ Дорошенка поддаться московскому государю, въ надеждѣ быть за это утвержденнымъ на митрополіи кіевской. Меѳодій былъ захваченъ Тукальскимъ, но бѣжалъ въ Кіевъ и снова сталъ усердно доносить на кіевскихъ архимандритовъ и игуменовъ, въ томъ числѣ и на Мелетія Дзика, обвиняя ихъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ Тукальскимъ и Дорошенкой. Съ игуменовъ взяты были сказки. Замѣтимъ, что допросъ происходилъ почти во время постриженія Димитрія Савича (въ іюль 1668 г.). Игуменъ Мелетій Дзикъ показаль, что изъ ихъ монастыря „неможно было хлѣба

купить на сторонѣ и работали въ полѣ для наважденія разбойниковъ..., а предъ Успеніемъ, въ четвергъ, взяли Дорошенковы казаки 8 воловъ и 4 коня и онъ, игумень, съ вѣдома воеводы, писалъ листъ за отворчатою печатью и чернецъ былъ посланъ къ Дорошенкѣ, что-бъ животину отдали, и до Тукольскаго писалъ о заступленіи и больше ни о чемъ“. Во время допроса возвратился и чернецъ — монастырскій экономя Іезикииль и привезъ письмо отъ Дорошенки къ кievскимъ воеводамъ съ обвиненіемъ Мелетія въ измѣнѣ. Письмо было написано такъ, какъ будто Дорошенко зналъ, кого въ Кіевѣ допрашиваютъ и о чемъ допрашиваютъ: видно у Мелетія были сношенія съ Дорошенкой и съ Тукальскимъ не объ однихъ волахъ и коняхъ. Мелетій былъ сосланъ въ Москву и тамъ умеръ, а игумены кievскіе, въ томъ числѣ и Дзикъ, получили похвалу государеву за вѣрность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вячеславъ Александровичъ Гофманъ.

I.

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Продолженіе).

Изъ этого краткаго очерка достаточно выясняются и тогдашнія симпатіи чернаго духовенства вообще и въ частности воззрѣнія Мелетія Дзика. Надо думать, что Димитрій, постриженникъ Мелетія и челоуѣкъ къ нему близкій, жившій въ томъ же монастырѣ, раздѣлялъ убѣжденія своего наставника, былъ поборникомъ самостоятельности малороссійской церкви и не особенно долюблялъ московское государство. Эти выводы получаютъ еще большее вѣроятіе изъ обзора жизни Димитрія.

25-го марта 1669 года Димитрій былъ посвященъ во іеродіакона Іосифомъ Нелюбовичемъ-Тукальскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ, непризнаннымъ ни Московскимъ государствомъ, ни Польшей. Это посвященіе происходило въ городѣ Каневѣ, находившемся, замѣтимъ, подъ властью Дорошенки, въ Каневскомъ стародавнемъ (XII в.) монастырѣ, въ соборной церкви Успенія, при архимандритѣ Іовѣ Заіончковскомъ (1676 г.). Что же за челоуѣкъ былъ этотъ непризнанный митрополитъ? Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ поистинѣ „православія преславный ревнитель вѣры святыя восточныя, столбъ непоколебимый“, какъ называлъ его архимандритъ печерскій Гизель. Своею первоначальною дѣятельностью на Литвѣ въ защиту православія, своимъ заточеніемъ въ Маріенбургъ и непосредственнымъ за освобожденіемъ смѣлымъ запре-

пениемъ звонить въ колокола въ Вильнѣ, при перенесеніи тѣла Кунцевича, онъ снискалъ себѣ общія симпатіи православныхъ малороссовъ.

Итакъ вотъ отъ кого Димитрій принялъ посвященіе, не смотря на то, что проще было посвятиться у Лазаря Барановича или у Паисія, патріарха Алеасандрійскаго, служившаго въ Кіевѣ 14 сентября 1669 года. Конечно этому содѣйствовалъ Мелетій Дзикъ, настоятель кирилловскій, сторонникъ Тукальскаго, какъ мы указывали выше. Два дня спустя послѣ посвященія, Тукальскій, человекъ очень бѣдный, передалъ подарокъ Дорошенки—село Стайки Кіевобратской коллегіи. Весьма вѣроятно, что этотъ даръ былъ принятъ тѣмъ же Мелетіемъ. Всѣ эти отношенія доказываютъ, что Димитрій раздѣлялъ общіе взгляды чернаго духовенства и ихъ непріязнь къ Москвѣ.

Никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Димитрій Савичъ по посвященіи въ Каневѣ вплоть до 1675 года, мы не имѣемъ. Житіе въ общихъ выраженіяхъ рассказываетъ, что онъ жилъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, отличался благочестіемъ, много читалъ, писалъ и сочинялъ „повеленія отъ игумена или отъ другихъ высшихъ начальниковъ“.

Но въ первоначальной редакціи діаріи Димитрія—краткомъ лѣтописчикѣ занесены за 1672 и 1674 годы извѣстія о Туркахъ, о взятіи Каменца и сдачѣ Умани, что заставляеть думать, что эти преимущественно событія были интересны для Димитрія. Затѣмъ въ 1670 году поляки отряда полковника Пива взяли въ плѣнъ подъ Быжевымъ въ 6 миляхъ отъ Кіева отца Димитрія, Савву Туптала, а впослѣдствіи, въ 1673 году, гетманъ Янъ Сабѣсскій отпустилъ его изъ обоза на волю съ листами къ Дорошенкѣ, „а о чемъ тѣ листы писаны, онъ, Савва, будто не зналъ, а съ Дорошенкой и Тукальскимъ говорилъ и тѣ будто только говорили: дай, Боже, чтобъ вездѣ была Христова вѣра“. Эти данныя неволью заставляють предполагать, что Димитрій, какъ и отецъ его, участво-

валъ въ сношеніяхъ съ Тукальскимъ, если не жилъ при немъ.

Какъ бы то ни было, въ 1675 году (годъ смерти Тукальскаго) мы встрѣчаемъ Дмитрія уже въ Густынскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ близъ города Прилукъ, расположенный на островѣ, образуемомъ рѣкою Удаемъ, сгорѣлъ въ 1671 году, но 28 іюля 1674 года благословеніемъ преосвященнаго Лазаря, епископа Черниговскаго, ктиторъ церкви—гетманъ Иванъ Самойловичъ построилъ въ немъ новую каменную церковь св. Таисіи. Въ 1675 году 23 мая, въ день Св. Духа, на другой день послѣ храмоваго монастырскаго праздника, который сопровождался ярмаркой, Дмитрій былъ посвященъ во іеромонахи Лазаремъ Барановичемъ. Надо думать, что и тутъ не обошлось безъ содѣйствія Мелетія Дзика: онъ находился въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ Лазаремъ, въ какихъ никогда не былъ съ умиравшимъ въ то время Тукальскимъ. Въ свою очередь и Лазарь, ведшій теперь переговоры съ Дорошенкомъ, перемѣнилъ, вѣроятно, свои взгляды на Тукальскаго, на смертномъ одрѣ уговоривавшаго Дорошенка покориться царю, написалъ ему нѣсколько похвальныхъ эпитафій и ничего не могъ имѣть противъ ставленника Тукальскаго—человѣка, уже тогда отличавшагося, подобно своему игумену Мелетію Дзику, даромъ слова. Дмитрій былъ сдѣланъ проповѣдникомъ Лазаря и поселился въ Черниговѣ, гдѣ и оставался до 31 іюля 1677 года (два года слишкомъ), проповѣдуя не только въ Черниговѣ, но и другихъ храмахъ епархіи. Лазарь былъ человѣкъ въ обращеніи брюзгливый, скупой, ворчливый, даже мстительный—стоитъ просмотрѣть его письма. Вообще въ характерѣ Барановича милосердіе не занимало виднаго мѣста.

Не думаемъ, чтобы у такого архипастыря жилось легко, хотя, съ внѣшней стороны жить въ Черниговѣ было спокойнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ: вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и съ поляками, и съ татарами, и между собой,

тамъ наступило страшное запустѣніе, жители бросали все и переселялись въ слободскіе полки и вообще въ парскія земли. Въ Черниговѣ Дмитрію пришлось быть свидѣтелемъ, какъ Лазарь выпрашивалъ въ Москвѣ великія и богатыя милости за свои проповѣди, сносился съ Дорошенкой, хлопоталъ о неуступкѣ Кіева полякамъ (январь 1675 г.), печаталъ свою „Нова міара старей віары“ (1676) противъ католиковъ, анаеѳематствовалъ городъ Стародубъ (1676), который страшно погорѣлъ въ маѣ того года, созывалъ соборъ въ Кіевѣ (въ маѣ 1677 г.), ссорился съ гетманомъ Самойловичемъ (1677), судилъ Адамовича (1677).

Къ этому періоду жизни Дмитрія относится первое дошедшее до насъ сочиненіе его „Руно орошенное“. Это описаніе чудесъ отъ чудотворнаго образа Богородицы въ Черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ.

Въ іюль мѣсяцъ (31-го) холоднаго 1677 года Дмитрій, испросивъ увольненіе, уѣзжаетъ въ Литву на поклоненіе иконѣ Богородицы Новодворской, писанной, по преданію, св. Петромъ, митрополитомъ московскимъ и всея Россіи. Въ томъ же 1677 году, когда Дмитрій уѣхалъ изъ Чернигова, игуменъ Мелетрій Дзикъ былъ переведенъ изъ монастыря Кирилловскаго въ Михайловскій. Что увольненіе Дмитрія Барановичемъ было дѣломъ нѣсколько страннымъ, можно заключить изъ того, что впоследствии Барановичъ молчитъ, между тѣмъ какъ гетманъ требуетъ возвращенія Дмитрія изъ Литвы; самъ Дмитрій относится къ зову не совсѣмъ радостно и, не обращая вниманія на письма гетмана, остается въ Литвѣ еще 10 мѣсяцевъ, и ѣдетъ не въ Кіевъ къ игумену, а въ Батуринъ къ гетману, недолюбливавшему Лазаря.

Новодворскій Успенскій православный монастырь въ Пинскомъ уѣздѣ, среди пинской уніатской епархіи, былъ подчиненъ бѣлорусскому епископу, считавшемуся викаріемъ кіевского митрополита. Іосифъ Тукальскій, грамотой изъ Корсуна отъ 1656 года назначилъ намѣстникомъ слуц-

кимъ игумена кievскаго Михайловскаго монастыря Θεодосіа Василевича. Съ нимъ у Димитрія завязалось тѣсное знакомство. О самомъ Θεодосіи мы знаемъ слѣдующее. Онъ пользовался покровительствомъ Хмѣльницкаго и игралъ немаловажную роль во время присоединенія Малороссіи къ Москвѣ. Последней онъ измѣнилъ въ 1655 году. У него въ слуцкомъ монастырѣ, въ 1659 году, большею частью проживалъ митрополитъ Діонисій Балабанъ, и даже учредилъ консисторію, на манеръ кievской, которой покровительствовалъ владѣлецъ Слуцка кн. Богуславъ Радзивиль. Въ 1669 году Василевичъ былъ посвященъ во епископа бѣлорусскаго, но сохранилъ и санъ слуцкаго архимандрита. Его постоянныя заботы о паствѣ видны изъ его грамотъ отъ 1660 и 1661 г.г. Θεодосій хлопоталъ объ увеличеніи своихъ владѣній, строилъ новыя церкви и отбиралъ старыя, захваченыя уніатами; такъ онъ отобралъ уніатскую церковь въ 1666 году и отъ Бабилянъ Спасекій могилевскій монастырь въ 1674 году. Въ 1664 году Θεодосій былъ заподозрѣнъ въ дѣлѣ тогда заточеннаго Тукальскаго, но оправдался. Въ 1667 году онъ намѣревался ѣхать въ Кіевъ къ печерскому архимандриту за бумагами для спорнаго дѣла съ ксендзомъ Шпольскимъ объ имѣніяхъ Дятловичи и Быблинецъ, для чего и просилъ провожатыхъ, польскихъ драгунъ, въ виду разбоевъ въ Полѣсьи. Въ 1670 году онъ получилъ копіи съ грамоты на бѣлорусскую епископію Іосифу Тукальскому, съ подтвержденіемъ правъ этой грамоты. Въ 1676 году былъ обвиненъ нѣкоторыми печерскими иноками въ растратѣ денегъ печерскихъ имѣній въ Литвѣ. Θεодосій писалъ изъ Кракова къ архимандриту печерскому и просилъ Лазаря Барановича о посредничествѣ. И впоследствии Василевичъ сносился съ Дорошенкой и кievскими духовными властями.

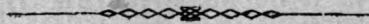
Видно, что Василевичъ недолюбливалъ Московское правительство и всегда тяготѣлъ къ Польшѣ, хотя былъ ревностнымъ православнымъ пастыремъ.

Димитрій пріѣхалъ въ Новодворъ съ г. Бучинскимъ 13 августа и поклонился иконѣ еще въ старой церкви. На утро 13 августа, наканунѣ храмоваго праздника, Θεодосій Василевичъ со всеѣмъ клиромъ торжественно перенесъ икону въ новую церковь.

16 августа о. Никодимъ Бѣлецкій, игуменъ монастыря Цеперскаго (съ 1676 г.), подчиненнаго Виленскому монастырю, оглашалъ чудеса, происшедшія во время крестнаго хода; вѣроятно въ тотъ же день Димитрій выѣхалъ съ о. Тризною въ Вильну, потому что въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ (которая пришла на 18 августа), уже произносилъ проповѣдь въ Виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ. Другая проповѣдь была произнесена въ недѣлю 23, т. е. 22 сентября. Обѣ онѣ до насъ не сохранились. Связи съ Виленскимъ братствомъ и Θεодосіемъ Василевичемъ могли быть у Димитрія въ силу того, что Іосифъ Тукальскій, поставившій Димитрія, былъ самъ когда то (1654—1661 г.г.) старшимъ Виленскаго монастыря до Василевича, и, какъ митрополитъ Кіевскій, остался владыкой монастыря этого, изъятаго изъ вѣдѣнія бѣлорусскаго епископа. Кромѣ того намѣстникомъ монастыря послѣ Іосифа былъ Пахомій Савичъ, однофамильникъ и, вѣроятно, родственникъ будущаго святителя. Здѣсь Димитрій познакомился съ намѣстникомъ о. Іоною Дубинскимъ и проповѣдникомъ Иларіемъ Гославскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вячеславъ Александровичъ Гофманъ.

III.

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Продолженіе).

Около 14 ноября въ Вильну пріѣхалъ Василевичъ, а 24 оба они отправились въ Слуцкъ, гдѣ 6-го декабря Димитрій и поселился въ Преображенскомъ братскомъ монастырѣ. Главнымъ монастыремъ города Слуцка и мѣстопробываніемъ архимандрита былъ Троицкій мона-

стырь и къ нему принадлежали монастыри: Преображенскій братскій въ самомъ Слуцкѣ (деревянный, основанный въ 1660 г.), Старчицкій въ слуцкомъ уѣздѣ, основанный послѣдствіи, послѣ 1678 года, Николаевскій Грозовскій, тамъ же и Димитрій сдѣлался братскимъ проповѣдникомъ и цѣлый годъ провелъ въ этихъ трудахъ. Основателемъ (не ктиторомъ ли) этого братскаго монастыря былъ нѣкто Іоаннъ Скочковичъ, слуцкій обыватель, конечно, родственникъ бывшаго архимандрита слуцкаго Варѣоломея Скочковича (1649—1653), сдѣлавшійся благодѣтелемъ самого Димитрія. Слуцкѣ, главный городъ княжествъ Слуцкаго и Конвальскаго, принадлежалъ католикамъ—Радзивиламъ, но представлялъ сильный православный центръ для борьбы съ унией и выставилъ замѣчательныхъ борцовъ въ лицѣ своихъ архимандритовъ и др. духовныхъ лицъ, вродѣ протоіерея Андрея Мужиловскаго.

Такъ въ 1659 г. православная супруга Януша Радзивила Марія, дочь Вадашскаго господаря, записала 4000 золотыхъ слуцкому монастырю. Въ томъ же 1659 году русское духовенство было уволено отъ панщины и работъ дворскихъ, но эти указы не исполнялись и далѣе хорошаго для православія видимъ мало. Уніатскія власти имѣли юрисдикціи надъ всѣми гражданами греческой религіи, что, конечно, тяжело отзывалось надъ послѣдними. Въ 1668 году одинъ ксензъ—іезуитъ представилъ польскимъ государственнымъ чинамъ проектъ уничтоженія греко-россійскаго вѣроисповѣданія въ русскихъ областяхъ, принадлежащихъ Польшѣ. Въ 1670 году виленскіе уніаты говорили: „эти же схизматики хотять отворить ворота и ввести казаковъ съ Тукальскимъ либо Москвитина, какъ они сдѣлали это въ 1655 году со своимъ духовенствомъ, встрѣтивши вступающаго въ городъ врага духовными пѣснями“. Въ 1671 году въ Слуцкѣ появился монастырь бернардиновъ. Въ 1672 г. Людвигъ Радзивилова, вышедши замужъ за маркграфа Браденбургскаго, привезла въ Слуцкѣ изъ Кейданъ типографію, вѣроятно, для ино-

вѣрпой пропаганды. Въ томъ же году издавались указы о распространеніи уніи. Въ 1673 г. король Михаилъ далъ магдебургское право всемъ гражданамъ Слуцка, но тогда же запретилъ въ Минскѣ православнымъ быть членами городского магистрата. Въ 1674 г. уніатскій пинскій епископъ Макріанъ Бѣлзоръ отбиралъ церкви, возвращенныя православнымъ. Тогда же Янъ Казимиръ предписалъ виленскому магистрату содѣйствовать защитѣ уніи согласно просьбамъ уніатскаго митрополита Коленды. Досиеей, патриархъ іерусалимскій, въ грамотѣ отъ 20 мая 1678 г. похваляетъ православныхъ за стойкость во время уніатскихъ гоненій и утѣшаетъ ихъ надеждой на „премудрость и великодушіе тшайшаго короля“. „Если уніаты“, говоритъ онъ далѣе, „будутъ говорить: соединись съ нами, ты скажи: азъ единеніе имѣю со апостолами, — а если хочешь уніи — унывайся съ нами“. Въ концѣ патриархъ обѣщалъ хлопотать въ Константинополь о посылкѣ въ Польшу экзарха. Сильныя преслѣдованія православныхъ встрѣчаются въ то время и въ Полоцкѣ, благодаря тому же Колендѣ.

Эти свѣдѣнія достаточно обрисовываютъ положеніе православныхъ и оправдываютъ жалобу (еще въ 1670 г.) митрополита Іосифа Тукальскаго, писавшаго: „оскудѣ благочестіе святое въ литовской землѣ“. Іезуиты въ 1678 году, по приглашенію плебана могилевскаго-ксенза Зеляновича, нытались пропагандировать унію „казаніями“; вѣроятно, это средство употреблялось и въ Слуцкѣ, и отвѣтомъ на него поневолѣ должны были служить проповѣди Димитрія. Не даромъ же и Лазарь называлъ слуцкую церковь воинствующей. Онъ до насъ опять таки не сохранился, но что Димитрій не былъ чуждъ полемики, доказательствомъ могутъ служить собственноручныя его выписки положеній объ уніи Θεодосія Василевича и книги бібліотеки святителя.

У Слуцкаго братства были сношенія съ Черниговомъ, такъ какъ Лазарь Барановичъ еще въ 1670 году друже-

любно переписывался съ Василевичемъ, признавалъ его памѣтникомъ кievскаго митрополита, величалъ „дивной свѣчей восточной церкви“ и старался помирить съ печерскимъ архимандритомъ. Теперь, послѣ смерти Тукальскаго, самъ Θεодосій, памѣтникъ кievскаго митрополита, оказался подчиненнымъ въ кановическомъ отношеніи Лазарю,, какъ блюстителю Кievской митрополіи. Игумень слуцкаго братства о. Мокривичъ ѣздилъ въ Черниговъ и 28 декабря привезъ письма отъ черниговскаго полковника Василя Дунина-Борковскаго, который именовъ гетмана требовалъ возвращенія Димитрія и отъ игумена Михайловскаго (бывшаго Кирилловскаго)—Мелетія Дзика. Но въ Слуцкѣ дорожили даровитымъ проповѣдникомъ: его удержали просьбами и обѣщаніями, а въ Кіевъ къ незнакомому съ братствомъ М. Дзику послали 10 января 1678 гола о. Христинича съ просительными письмами. 16 февраля купцы привезли изъ Чернигова письмо полковника Борковскаго желанія о возвращеніи Димитрія. 20 февраля были получены письма Мелетія Дзика (по польски) братству и Димитрію, а послѣднему и подарки: частицы мощей св. Варвары (почивающей въ Михайловскомъ монастырѣ) отъ самого Мелетія и какая то книжка въ богатомъ золотомъ переплетѣ съ серебряными застежками отъ о. Арсевія, инока Михайловскаго. Дзикъ разрѣшилъ Димитрію остаться „отъ себя и отъ обители“ (значить, Димитрій былъ перечисленъ въ Михайловскій монастырь) на время и съ тѣмъ, чтобы сіе ему угодно было. А если не будетъ нужды въ обители, обѣщалъ дозволить остаться долѣе. Частицу мощей св. Варвары Димитрій положилъ въ братскую церковь къ Святителеву образу. Только 3 марта съ тѣми же черниговскими купцами были посланы отвѣтныя письма Димитрія черниговскому полковнику и игумену Дзику. Содержанія ихъ не знаемъ. Между тѣмъ 11 марта скончался Θεодосій Василевичъ въ своемъ имѣніи Люблинѣ подъ Новымъ Дворомъ и другой знакомецъ Димитрія о. Серапіонъ Замаревичъ тамъ же

около 18, а 29 ноября. въ пятницу, скончался и благо-
дѣтель Дмитрія Скоцкевичъ. При похоропахъ его Дмит-
рій говорилъ рѣчь на тему: „Яко-же скончаваше Іоаннъ
теченіе свое“, „за что ему было дано голландскаго поло-
тна 6 лакоть“.

Другую проповѣдь онъ произнесъ надъ гробомъ Ва-
силевича. Преосвященнаго Василевича хоронили: грече-
скій митрополитъ Макарій Лигариди и архимандритъ Ов-
ручскій (затѣмъ Слуцкій) Теофанъ Креховецкій лишь 23
октября въ имѣніи Дзіенциловичахъ, гдѣ вѣроятно былъ
и Дмитрій. Вѣроятно въ это же время Дмитрій позна-
комился и съ Иннокентіемъ Монастырскимъ, игуменомъ
Любельскимъ, игравшимъ впоследствии столь видную роль
въ полемикѣ о пресуществленіи св. Даровъ.

Съ митрополитомъ Макаріемъ, прибывшимъ въ Слуцкъ
1 августа, Дмитрій познакомился настолько, что о. Кли-
ментъ Тризна, игуменъ виленскій (впоследствии епископомъ
Могилевскій), прислалъ изъ Цеперскаго монастыря о. Іо-
нъ Дубинскаго съ просительнымъ письмомъ (по польски)
о возведеніи Исаи Байя въ іеромонахи и уничтоженіи
„зашедшихъ въ производствѣ его препятствій“. Дмитрій,
живя въ братскомъ монастырѣ, посѣщаль и подвѣдом-
ственные братству монастыри: Грозовскій (9 мая въ хра-
мовой праздникъ) и Старожицкій (14 іюля и 22 сентяря
на поклоненіе чудотворной иконѣ Б. М.) съ о.о. Олай-
кевичемъ и Гославскимъ, бывшимъ проповѣдникомъ вилен-
скимъ, игуменомъ минскимъ. Схоронивъ своихъ покрови-
телей, Дмитрій выѣхалъ въ январѣ 1679 года 29 числа
изъ Слуцка чрезъ Березину въ Черниговъ.

Что вынесъ Дмитрій, воротясь изъ Литвы? Онъ,
конечно, основательно изучилъ польскій языкъ и поль-
скіе нравы, обстоятельно познакомился съ римско-като-
лическимъ вѣроученіемъ, латинопольскими писателями и
польскимъ духовенствомъ. Здѣсь также онъ могъ воочию
убѣдиться въ печальномъ положеніи и шаткой будущно-
сти православія въ Польшѣ и сознательно обратить свои

симпатіи къ московскому государству, не выработавшему утопченныхъ виѣшнихъ учрежденій, но отличавшемуся сравнительно достаточною вѣротерпимостью ко всѣмъ исповѣданіямъ того времени—времени звѣрствъ тридцатилѣтней войны, драгонадъ, окончательнаго изгнанія мавровъ и кровавыхъ распрей пуританъ съ индепендентами и квакерами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вячеславъ Александровичъ Гофманъ.

I.

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Продолженіе).

6-го февраля Димитрій прибылъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу и былъ принятъ имъ очень радостно. Димитрія Самойловичъ могъ видѣть еще въ Густынскомъ монастырѣ, да и войсковой судья Мелетій Вуяхевичъ тоже, вѣроятно, помнилъ Димитрія у Тукальскаго въ бытность свою писаремъ у Дорошенки. Съ Димитріемъ гетманъ былъ хорошъ: самъ святитель называетъ его своимъ благодѣтелемъ. Онъ запросто говорилъ съ Димитріемъ и, вѣроятно, впоследствии хлопоталъ о назначеніи его игуменомъ въ Батурицъ послѣ Гугуревича. Пока Димитрій и поселился въ Крупенкомъ Батурицкомъ Николаевскомъ монастырѣ, игуменомъ котораго былъ Θεодосій Гугуревичъ. Вообще отношенія духовенства къ гетману вначалѣ были очень хорошія: самъ гетманъ, по происхожденію поповичъ, былъ человѣкъ набожный, имѣлъ особливую ревность къ церкви Божіей, а наипаче къ украшенію ея свѣчами, и любилъ, чтобы ему, писали и подносили вирши, что, конечно, и дѣлали ученые монахи. Онъ думалъ даже самъ пойти въ монахи. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ богатѣлъ, увеличивалась его гордость и не только съ казаками, но и съ самими духовными. Духовныя лица, хотя и очень значительныя, должны были стоять передъ нимъ съ открытой головой. Въ церкви онъ никогда не подходилъ къ святымъ дарамъ, но требовалъ, чтобы ему и его сы-

новьямъ подносили ихъ. Встрѣчу священника считалъ для себя несчастіемъ. Самъ поновичъ, а ѣздилъ въ каретѣ съ великою помпою и „пыхою“ (пышностью); отличаясь „здритствомъ“ (корыстолюбіемъ). Казаковъ не допускали во дворъ сердюки, а священникъ нѣсколько дней не могъ добиться приѣма у гетмана, какая бы у него нужда ни была.

Здѣсь, при дворѣ гетманскомъ, Дмитрію удалось поближе познакомиться и съ представителями московскаго государства и съ ихъ правами. Въ февралѣ 1680 года Дмитрію предлагали мѣсто игумена Кирилловскаго монастыря чрезъ депутата отъ братіи отца Меркурія, но Дмитрій отказался: по слухамъ, въ Кіевѣ было несовершенно безопасно, въ виду безпрестанныхъ нападений крымцевъ. Въ 1680 году, въ декабрѣ, Дмитрій отмѣтилъ въ діарѣ появленіе громадной кометы. Въ 1681 году, 5 марта, игумень Дмитріевъ Гугуревичъ отправилъ челобитную въ Москву съ просьбой принять отъ него въ казну, конечно, за деньги, сто часослововъ, сто псалтырей, сто грамматикъ и десять трэфолоевъ. Въ Кіевѣ около того времени (въ великомъ посту) пріѣхалъ изъ Литвы старшій знакомый Дмитрія Иннокентій Монастырскій, избранный въ мартѣ игуменомъ Кирилловскимъ; въ томъ же году, въ апрѣлѣ, Дмитрій былъ свидѣтелемъ великихъ торжествъ въ Батуринѣ, въ виду заключенія бахчисарайскаго мира. Гетманъ обнималъ посланниковъ, благодарилъ за ихъ любовь къ своему писарю Раковичу и кланялся за то, что къ нему заѣхали и тѣмъ честь его гетманскую въ молороссійскомъ народѣ прославили. На радостяхъ гетманъ задалъ большой пиръ; предъ замкомъ батуринскимъ во время тостовъ гремѣли пушки, музыка играла весь обѣдъ. Тогда же, 12 апрѣля, Дмитрій началъ писать новый діарій, можетъ быть изъ желанія написать исторію своего времени. Въ августѣ въ монастырѣ Батуринскомъ освящали новую каменную церковь, выстроенную Самойловичемъ, сербскимъ митрополитомъ Почека. Такъ спо-

койно и тихо шла жизнь Димитрія Савича, пока его не выбрали игуменомъ Максаковского монастыря вмѣсто Іереміи Ширкевича, умершаго 10 августа 1681 года. Въ воскресенье, 4 сентября, Димитрій былъ у Лазаря за указомъ съ письмомъ отъ гетмана. Барановичъ, хотя и не ладилъ съ гетманомъ, однако, зная его силу, принялъ Димитрія очень любезно, пожелалъ ему, какъ Димитрій получить митру, угостить обѣдомъ, а 5-го, выдавая грамоту, подарилъ собственный посохъ. Но въ Максаковѣ Димитрій побывъ игуменомъ только 5 мѣсяцевъ (9 сентября 1681—7 февраля 1682 г.). 7 февраля умеръ Дзикъ, игумень Михайловскій, на его мѣсто былъ переведенъ Θεодосій Гугуревичъ, а на мѣсто Гугуревича, въ только что оставленный Батуриискій монастырь былъ назначенъ Димитрій, конечно, по желанію Самойловича.

Однообразно потекло время перваго игуменства Димитрія (6 марта 1682—26 октября 1683) въ Батуриискомъ монастырѣ. Монастырь былъ расположенъ въ 7 верстахъ отъ Батурина. Самый городъ, лежащій на лѣвомъ берегу р. Сеймы, не отличался своей красотой и постройками. Кремль былъ земляной, у городскихъ воротъ были расположены московскіе караулы изъ стрѣльцовъ.

Въ своемъ дневникѣ Димитрій отмѣчалъ только постриженія, да дни смерти своихъ знакомыхъ. Многочисленные постриженія показываютъ, что Батуриискій игумень пользовался большимъ уваженіемъ въ то время: такъ 4 марта 1682 года онъ постригъ въ камилавку священника Батуриискаго замка о. Петра. 26 октября того же года онъ постригъ нѣкоего Гавріила, который, спустя мѣсяць (24 ноября), былъ посвященъ во іеродіакона проѣзжавшимъ чрезъ Батуринъ митрополитомъ Болгарскимъ Мельхиседекомъ.

Умершему въ концѣ сентября 1683 г. генеральному судѣ Ивану Домостовичу, построившему каменную церковь въ Батуриискомъ монастырѣ, Димитрій написалъ

эпитафію. Она помѣчена на портретъ Домонтовича надъ его могилой въ той же церкви, на лѣво у столпа.

Однообразіе тихой монастырской жизни было нарушено прїѣздомъ (8 октября 1681 г.) бѣжавшаго изъ Литвы отъ притѣсненій уніатовъ епископа Луцкаго Гелеона Святополкъ-Четвертинскаго. Онъ остановился въ Батуринѣ и едва ли не у самого Дмитрія. Въ декабрь тогоже года патріархъ московскій Іоакимъ прислалъ Гелеону 10 рублей и тогда же была отправлена грамота царей Петра и Іоанна въ Константинополь къ царьградскому патріарху по дѣламъ западно-русской церкви.

Дѣла малороссійской іерархіи были въ незавидномъ положеніи. Митрополита Кіевскаго со смертью Тукальскаго не было. Въ Польшѣ, послѣ неудачнаго Лоблинскаго съѣзда въ 1680 г. для примиренія православныхъ съ уніатами и католиками, начались гоненія на православныхъ. Епископъ Львовскій, Іосифъ Чумлянскій, администраторъ кіевской епархіи, былъ уніатомъ, хотя и старался скрыть это, и сочинялъ сатирическія вѣсни на Самойловича, противодѣйствовавшаго союзу Польши и Россіи противъ Крымцевъ и Турокъ. Архіепископъ Барановичъ, единственный православный епископъ на этой сторонѣ Днѣпра, былъ въ дряхлой старости и жилъ въ неладахъ съ гетманомъ. Гетманъ, изъ-за непріязненныхъ отношеній съ Барановичемъ и изъ желанія угодить Москвѣ, сталъ хлопотать у московскаго патріарха Іоакима о выборѣ митрополита въ Кіевъ. Уже въ сентябрѣ 1683 года патріархъ обѣщалъ гетману ходатайствовать предъ царями объ избрашіи митрополита, съ одной стороны въ виду немощи администратора митрополии Лазаря, рукополагавшаго нѣсколькихъ священнослужителей въ одну литургію вопреки каноническимъ постановленіямъ, съ другой въ виду нашествія многихъ греческихъ и иныхъ земель архіереевъ, „никѣмъ же свидѣтельствовавшихся и подъ неблагословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ самовольно служащихъ и поставляющихъ“. Москвой, конечно, руководило естествен-

ное желаніе сосредоточить въ своихъ рукахъ и духовную власть надъ краемъ, находившимся еще подъ властью константинопольскаго патріарха, и боязнь, чтобы въ Польшѣ, откуда Іосифъ Чумляцскій разсылалъ „прелестныя“ листы о преимуществахъ кіевскихъ митрополитовъ надъ московскими патріархами, не успѣшили поставить своего митрополита въ Кіевъ, да еще пожалуй тайнаго уніата. Едва ли не въ силу этихъ переговоровъ хотѣли сдѣлать митрополитомъ архимандрита Печерскаго Иннокентія Гизеля, но опъ скончался 18 поября 1683 года. Гетманъ обратился опять къ московскому патріарху и просилъ его благословенія нъ избраніе новаго архимандрита. Патріархъ покаместъ предоставилъ избраніе самой братіи и заранѣе обѣщалъ рукоположить избраннаго архимандрита. Не смотря на такую уступчивость патріарха, это все же былъ первый шагъ къ подчиненію малороссійской церкви московскому патріарху: опъ былъ одинаково неприятеиъ и высшему и низшему духовенству.

Національное самолюбіе, привычка къ самостоятельности въ дѣлахъ церкви и тѣхъ и другихъ были оскорблены. Само соборное, выборное начало видимо подвергалось ограниченію, а оно было еще сильно и среди духовенства, выбиравшаго владыкъ, и въ низшемъ классѣ, выбиравшемъ священниковъ къ своимъ парафіямъ. Малорусскіе духовные, которые и вообще то не особенно ладили съ надменнымъ гетманомъ, послѣшно избрали архимандритомъ Варлаама Неинскаго, игумена Кіево-Николаевскаго, а Лазарь, не спрашиваясь ни у Москвы, ни у Царьграда, посвятилъ его въ концѣ 1683 года. Патріархъ утвердилъ его избраніе, послѣ долгихъ просьбъ лишь въ февралѣ 1685 года, затягивая это утвержденіе почти весь 1684 годъ переговорами съ гетманомъ объ избраніи новаго митрополота. Грамота Варлааму была дана весьма милостивая, съ намѣреніемъ склонить его въ пользу постановленія митрополита и „угоднаго Москвѣ“, и московскимъ патріархамъ.

Положеніе Варлаама до этой грамоты было не очень пріятное: ему угрожалъ уже извѣстный епископъ львовскій Чумлянскій, желавшій бытъ избраннымъ во архимандрита Печерскаго или хотъ захватить маегности Печерскаго монастыря въ Польшѣ, подобно тому, какъ захватилъ онъ имѣнія епископа Θεодосія Василевича.

Между тѣмъ Димитрій, въ силу ли непріятныхъ ему переговоровъ съ Москвою или по другимъ причинамъ, оставилъ 26 октября 1683 года игуменство, а 24 апрѣля 1684 года, по приглашенію Варлаама, еще не утвержденнаго Москвою, переѣхалъ въ Кіевъ, этотъ, по выраженію Максимовича, русскій Іерусалимъ, и поселился въ Кіевской лаврѣ. Видно Димитрію наскучила неопредѣленная жизнь, и, съ горечью записывая смерть своего знакомаго Паисія Гладкаго, онъ восклицаетъ: „Богъ вѣдаетъ, гдѣ и мнѣ судится главу положить“. Лавра въ то время отличалась большимъ богатствомъ. Въ нее вели желѣзныя ворота, окруженныя стражей. Церкви (23) и другія постройки были снаружи расписаны (какъ и теперь) фресками. Купола горѣли золотомъ. Келіи, чистыя и свѣтлыя съ широкими окнами, выходили въ отдѣльные садики. Въ каждой келіи было три комнаты и три двери съ узорными желѣзными замками. Каждая комната была расписана масляными красками, фигурами и ландшафтами, меблирована столами и кавалками, а печи были сложены изъ пвѣтлыхъ израсцовъ. Со стороны монастыря къ улицѣ были расположены два прекрасныхъ сада, а въ нихъ живыя изгороди изъ растенія вродѣ желтаго жасмина съ ягодами, похожими на виноградъ (*akrist-agrest?*, т. е. крышовникъ), виноградники, дававшіе хорошее красное вино, и массы орѣховыхъ, абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Одежда монаховъ, отличавшаяся безукоризненной чистотою, состояла изъ рясы зеленоватаго цвѣта, и клобука съ опушкою изъ плюша съ широкими краями, при откидываніи напоминавшаго капюшоны капуціановъ и іезуитовъ. При лаврѣ было большое книгохранилище.

Самъ архимандритъ былъ человѣкъ учепый, большой любитель „до органистова пѣнія“. Кіевъ былъ вообще центромъ южно-русской учености. „Если изъ Кіева, этого русскаго Парижа, какъ изъ разумной головы, не дадутъ отвѣта, замолкнетъ дѣло навсегда“, писалъ Барановичъ въ 1670 года.

Въ этой обстановкѣ успокоился Дмитрій отъ тревоженій настоятельскихъ. Въ великой церкви показываютъ доселѣ икону Антонія Печерскаго, предъ которой молился Дмитрій. Тутъ онъ принялъ на себя и послушаніе, прославившее его имя, составленіе житія святыхъ. Дѣло это было начато еще Петромъ Могилою. Въ виду уничтоженія списковъ русскихъ житій во времена татарщины и позднѣе-уніи, и любителямъ душеспасительнаго чтенія, и монахамъ для чтенія за трапезой приходилось обращаться къ польскимъ и латинскимъ книгамъ житій св. отецъ, часто несогласнымъ съ духомъ православія. Могила выписалъ съ Афона въ Кіевъ греческія рукописныя житія святыхъ Симеона Метафраста, но не успѣлъ докончить своего предпріятія. Лазарь написалъ „Животы свѣтыхъ“, но возбудилъ большія насмѣшки поляковъ. Иннокентій Гизель серьезно приступилъ къ дѣлу, для чего просилъ у патріарха Іоакѣма высылки миней въ Москву. Книги были присланы въ 1680 году чрезъ Варлаама Ясинскаго, но въ скорописномъ спискѣ Типографской библіотеки и отосланы обратно въ виду „трудности скорописнаго писанія“. Теперь за это дѣло взялся самъ Варлаамъ съ другими духовными лицами, а главнымъ работникомъ назначилъ Дмитрія. Послѣдній принялся за работу 6 мая 1684 года. Церковныя неурядица между тѣмъ продолжались. Гетманъ, породнившись съ извѣстнымъ уже намъ Гедеономъ Святополкъ-Четвертинскимъ, хлопоталъ въ Москвѣ о избраніи его кіевскимъ митрополитомъ. Все кіевское духовенство возненавидѣло гетмана. Вотъ почему въ февралѣ 1685 года явившіеся въ Межигорскій монастырь вызваные московскимъ патріархомъ Лихуды прошли мимо Кіева

въ Батуринъ, откуда, получивъ пропускную (отъ 6 марта) грамоту отъ гетмана, и отправились въ Москву.

Между тѣмъ Москва требовала созванія собора для избранія кievскаго митрополита. Лазарь Барановичъ разослалъ приглашенія на соборъ, но никого изъ своей епархіи не прислалъ. Не явился и епископъ Луцкій. На соборѣ въ церкви Софійской большинство были люди свѣтскіе и сторонники гетмана; мы встрѣчаемъ между ними войскового эсаула Ивана Мазецу и полковника черниговскаго Дурина—Боркевскаго. Соборъ вначалѣ отказался отъ выбора митрополита, считая себя не компетентнымъ, но представители гетмана настояли на своемъ и митрополитомъ былъ избранъ Гедеонъ Четвертинскій, благопріятель гетмана. Варлаамъ протестовалъ противъ этого избранія; также неблагоклонно огресся къ этому событію и Димитрій: это было самовольное вторженіе московскаго патріарха въ чужую епархію. Константинопольскому патріарху послали извѣщеніе тогда, когда уже дѣло было сдѣлано, и онъ далъ отъ себя отпустительную грамоту, но иначе поступилъ Досиѳей, паріархъ іерусалимскій. Вотъ что писалъ Досиѳей царямъ. „Еже убо епархію Кіевскую имѣли яко свою похваляхомъ..., вѣсть бо константинопольскаго единого сіе подавати свойственное, понеже патріархи воспріява дѣло о церкви пешчися обаче сами едина дати или взяти епархіи не могутъ, но приличествуеть вкупѣ дати четьремъ патріархомъ..., и далѣ слѣдовало не просить сіе за деньги, но просто вѣры ради и пользы вѣрныхъ, не якоже нынѣ, когда честнѣйшій посланный (дьякъ Никита Алексѣевъ и, кажется, священникъ Иванъ Лисица) извѣстили насъ: яко, аще дадимъ грамоту—дасть и милостыню, аще не дадимъ, не дасть“. Димитрій написалъ въ своей рукописи противъ этихъ выраженій два раза слово „зри“. Далѣ Досиѳей пишетъ: „страхъ есть отсюду, да некогда послушны будутъ кievскому митрополиту, не хиротописанну отъ константинопольскаго патріарха, иже на Украинѣ и Польши

православныи, и учнется схизма и словопреніе и еще хужчи сего“. Димитрій отвѣчаетъ: „Якъ бы вгадаль, шчо такъ будетъ и неволею пророчествовалъ еси“. Это, конечно, намекъ на притѣсненія уніата Іосифа Чумлянскаго, по прежнему величавшаго себя администраторомъ кievской епархіи, и на другія смуты въ епархіи. Приводя далѣе слова грамоты Іоакима о томъ, чтобы архимандритъ Печерскій избрался „по нашей мѣрности благословенію по обычаю ихъ древнему соборнѣ, достоинство же степени и священство отъ насъ да взываетъ; безъ нашія же мѣрности велѣнія, ради кіихъ либо злоклучиствъ митрополитъ кievскій и ихъ кто архіерей въ той степени достоинство да не возводитъ“, Димитрій замѣчаетъ: „зри не добре на насъ и противъ грамотъ ставропигіальныхъ“ и ниже „зри противъ московскихъ привидеовъ въ консекраціи“. Тутъ же сдѣланы Димитріемъ и выписки изъ Палинодіи о кievскихъ митрополитахъ и къмъ они ставятся. Помимо патріотизма Савича отмѣтимъ и мнѣніе о превосходствѣ соборной власти патріаршей надъ властью одного патріарха. Это древнерусское православное мнѣніе, выработанное малорусскою церквою въ періодъ уніи и выдѣленія шляхетнаго высшаго духовенства, проводилось и въ тогдашней церковной жизни: мы видимъ постоянно свободные выборы игуменовъ, архимандритовъ и даже митрополита. Чувство любви къ родной малорусской церкви проглядываетъ и въ другихъ отмѣткахъ Димитрія въ той же рукописи. Досиоей писалъ впоследствии: „суть пѣціи, иже въ Римѣ и въ Польши отъ латиновъ научени и бяху архимандрити и игумени монастыремъ и почитаютъ неподобныя мудрованія въ монастыряхъ и посятъ езуитскія ожерелья (не капуціаны ли?)... о дабы благочестивый на Москвѣ сохраненъ былъ обычай по древнему уставу, еже не были бы игумены и архимандриты отъ казацкаго рода, но москали на Москвѣ и въ казацкой землѣ, да не растлѣють (отъ казацкихъ нравовъ)... впредь церкви праведныхъ“. Димитрій замѣтилъ:

„чи не придатокъ се отъ переводчика?“ и далѣе: „не знаю чи не присилуешь“? Эти замѣтки въ связи съ выше-сказанными достаточно характеризуютъ политическія воззрѣнія Димитрія на этотъ періодъ, и мы обратимся къ дальнѣйшему обзору его жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вячеславъ Александровичъ Гофманъ.

I.

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Продолженіе).

Къ 1684 году относится извѣстіе объ отцѣ Димитрія, сотникѣ Саввѣ Туптало, который, конечно, бывалъ у сына въ монастырѣ и раньше. Еще раньше знакомый Димитрія игумень кирилловскій Иннокентій Монастырскій сдѣлался сосѣдомъ отца Димитрія: 12 января 1684 года онъ за тысячу золотыхъ доброе монеты купилъ себѣ мѣсто на Подолѣ съ большимъ домомъ и садомъ. 1 мая архимандритъ принималъ генерала Гордона, который привѣтствовалъ Ясинскаго латинскою рѣчью, упоминая о благорасположеніи Гизеля. Тотъ отвѣчалъ тѣмъ же. Въ заключеніе было большое угощеніе, на которомъ былъ вѣроятно и Димитрій. 19 мая, въ Троицу, въ Лаврѣ было опять великое торжество, на которое съѣхалось множество народа. 3-го іюня въ Лаврѣ была закладка каменной трапезной (Рефекторіи) и на праздникъ былъ генералъ Гордонъ. Въ томъ же 1684 году Димитрій познакомился съ Стефаномъ Яворскимъ, своимъ впоследствии близкимъ другомъ. Яворскій сочинилъ въ этомъ году панегирикъ Ясинскому—*Heracles post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pondus sustinens* (т. е. Ясинскій послѣ Гизеля).

Въ Лаврѣ Димитрій повидимому сдѣлался официальнымъ проповѣдникомъ: самъ Варлаамъ называетъ Димитрія въ 1689 году искуснымъ и благоразумнымъ проповѣд-

никомъ слова Божія, въ собственноручномъ спискѣ проповѣди, произнесенной 24 февраля 1685 г. въ Лаврѣ въ годовую память погребенія Иннокентія Гигеля, онъ замѣчаетъ, что „пирамисъ этотъ сооруженъ трудомъ грѣшнаго іеромонаха Димитрія Савича, на онъ часъ казнопѣи печерскаго“. Эта первая изъ проповѣдей Димитрія, дошедшая до насъ, была произнесена въ присутствіи кievскаго воеводы Шереметева, Гордона и всѣхъ иностранныхъ офицеровъ. Построенная по строго схоластическому образцу, эта рѣчь по своей искусственности стоитъ наравнѣ съ произведеніями Голятовскаго и Радивиловскаго. Проповѣдникъ строить столпъ или пирамиду, уподобляя самого Гизеля, столпа церкви Божіей, столпу церкви Соломоновой. Столпъ Соломоновой церкви былъ изъ мѣди и золота. Мѣдь и золото—символь терпѣнія и постоянства въ добрыхъ дѣлахъ, а этими качествами отличался и покойный архимандритъ, которому пришлось за тридцать лѣтъ своего настоятельства видѣть Украину, истощенную войнами, Лавру, окруженную непріятелями, блистаніе басурманскихъ мечей и нападеніе мысленныхъ волковъ на его духовное стадо. Затѣмъ проповѣдникъ сравниваетъ усопшаго архимандрита со столпомъ Давіила, отличавшимся неизмѣнною новизною и служившимъ мѣстомъ погребенія для царей. Этой неизмѣнной новизнѣ соответствовало неизмѣнное великодушіе усопшаго, а погребавшимся царямъ Мидовъ, Паревовъ и Пересовъ—грѣхи отъ міра, плоти и діавола, умершвляемые благочестіемъ. Поздри твои яко столпъ, шіасосца моя яко столпъ, сказано въ Пѣсни Пѣсней; это сказано людямъ тщеславнымъ, гордолобивымъ и сребролюбивымъ, но покойный не таковой былъ человекъ, дабы созидать поздри своя яко столпъ, ради славы людской и пр.; онъ отличался вѣрой, надеждою и любовью, какъ видно изъ его сочиненій, набожной жизни и благодѣяній къ ближнимъ. Затѣмъ, найдя церковь Соломона—обитель Печерскую, позлащенные стѣны—устава иноческаго житія, херувимовъ—священнослу-

жителѣй, золотыя сосуды—отцовъ соборныхъ, мѣдно море—послушаніе, на валахъ—послушникахъ, проповѣдникъ указываетъ нынѣшній столпъ обители въ лицѣ высокаго въ Бозѣ превелебнаго его милости господина отца архимандрита (Варлаама), замѣнившаго прежній столпъ—о. Гизеля. На столпѣ томъ были и знаменія: золотыя мрежи ученія, которыми покойный уловлялъ словесныхъ рыбъ, приводя ихъ въ разумъ (будучи паставникомъ въ коллегіи), золотыя лиліи благодворенія къ нищимъ, которымъ „есть гдѣ съѣсти, да нечего съѣсти“, и позлащенные яблоки добрыхъ дѣлъ. Вѣнецъ на столпѣ составляютъ отцы, поющіе панихиду. Сдѣлавъ надписи на столпѣ и указавъ на пріязнь Гизеля къ Варлааму, проповѣдникъ заключаетъ слово вѣчной памятию.

Мы нарочно пересказали это слово, чтобы показать что Димитрій вовсе не былъ чуждъ схоластики того времени. Самая проповѣдь составлена по рецепту „Ключа, Разумѣнія“.

Кромѣ проповѣдничества Димитрій съ жаромъ принялся за составленіе житій святыхъ. Какъ онъ увлекался ими и какъ живо ихъ представлялъ онъ себѣ, свидѣтельствуеетъ трогательный рассказъ его о двухъ сновидѣніяхъ св. Варвары и св. Ореста. Писаніе житій такъ увлекло Димитрія, что онъ, занимаясь ночью, ложился иногда не раздѣваясь только за часъ до заутрени, которую посѣщаль весьма исправно.

5 апрѣля былъ въ Лаврѣ и Гордонѣ: его позвали, чтобы посоветоваться, что сдѣлать съ пещерною церковью которая начала осѣдять. Эти посѣщенія были неоднократны и, вѣроятно, здѣсь Димитрій познакомился съ Гордономъ.

О выборѣ митрополига, въ началѣ іюля, мы уже говорили. 8 ноября 1685 года Гедеонъ былъ посвященъ въ москвѣ въ митрополиты кievскіе, а 14 декабря былъ отпущенъ въ епархію, причемъ ему подарили богатую карету, обитую бархатомъ, съ металлическими черными укра-

шеніями и шестерку карихъ лошадей. Этимъ впрочемъ не ограничились: въ 1686 году были посланы дорогіе золотые сосуды въ финифту въ Софійскій соборъ отъ имени царя Іоанна и Петра и царевны Софіи, а самому митрополиту подарокъ—золотой атласный саккосъ и митра, усыпанная рубинами и изумрудами съ синеватымъ алмазомъ; въ надписи на нихъ Гедеонъ названъ митрополитомъ всея Россіи. Возвращаясь, митрополитъ оставилъся въ Батурипѣ.

Въ январѣ 1686 года поѣхалъ въ Батурипъ представляться митрополиту Варлаамъ Ясинскій и съ нимъ Дмитрій Савичъ. Гетманъ и митрополитъ уговорили Дмитрія вторично принять игуменство въ Батуринскомъ монастырѣ. Дмитрій воротился въ Кіевъ, былъ на торжественномъ служеніи митрополита въ св. Софіи, а 4 февраля простился съ гостеприимной Лаврой. Но и на игуменствѣ Дмитрій не оставилъ своей прежней работы надъ житіями святыхъ. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе и новый митрополитъ и гетманъ. Послѣдній писалъ въ Москву и патриарху, и князю Василю Голицыну, великому покровителю малорусскихъ ученыхъ, съ просьбою выслать великія Четь-Минеи, находившіяся въ Успенскомъ соборѣ (Милютинскія). Книги были высланы. Въ томъ же году, 23 апрѣля, по указу старшихъ, Дмитрій ѣздилъ въ Глуховъ и заложилъ тамъ каменную церковь Успенія Богородицы.

Къ тому же времени (апрѣлю) относится и обширная переписка патриарха іерусалимскаго Досифея съ царями, царевной, матриархомъ и гетманомъ о дѣлахъ малорусской церкви. Видимо, что не все духовенство признавало Гедеона правильно поставленнымъ митрополитомъ, и понадобились цѣлые ряды грамотъ патриарховъ, чтобы утишить „распри подмнителей“, о чемъ, какъ мы вилѣли, замѣтилъ у себя въ рукописи и Дмитрій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вячеславъ Александровичъ Гофманъ.

III.

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Продолженіе).

Между тѣмъ въ Москвѣ 26 апрѣля заключили вѣчный миръ съ Польшей, причемъ Кіевъ съ пограничными городами былъ окончательно уступленъ Россіи, и въ то же время начали готовиться къ условленному походу въ

Крымъ. Около 27 апрѣля 1687 года Самойловичъ оставилъ Батуринъ, не зная, что оставляетъ его навсегда, и 30 мая присоединился къ В. В. Голицыну съ 50 тысячами казаковъ. Походъ кончился неудачно, обвиняли гетмана, явился доносъ на него, подписанный Мазепой, Борковскихъ и др. Гетмана смѣнили въ іюлѣ, а вмѣсто него избранъ Мазепа, человекъкъ угодный В. В. Голицыну.

На митрополита, лишеннаго теперь своего покровителя Самойловича, посыпались жалобы со стороны епископа Лазаря Барановича, Іосифа Шумлянскаго и др. Въ то же время ему пришлось хлопотать предъ гетманомъ о защитѣ православныхъ въ польскихъ областяхъ отъ притѣсненій. Митрополиту писали о томъ съ Галича и съ другихъ мѣсть: дѣются-де кривды и гоненія и въ правахъ и въ свободахъ ихъ нарушенія. Митрополитъ для удостовѣренія прислалъ и „вызнавцовъ“. Мазепа написалъ Голицыну 16 декабря 1687 года письмо и просилъ посольство на Гродненскій сеймъ. Видно, что новый гетманъ, уже и прежде отличавшійся благочестіемъ, будетъ принимать участіе и въ дѣлахъ духовныхъ. И дѣйствительно Мазепа въ бытность свою гетманомъ выстроилъ массу церквей, запретилъ монастырскимъ тяглымъ крестьянамъ освобождаться, приписываясь къ казакамъ отъ монастырей, покровительствовалъ школамъ и поддерживалъ ученыхъ. Тогдашніе латинисты не даромъ выхваляли его въ стихахъ. Подобныя же похвалы Мазепѣ за церковную благотворительность мы находимъ въ предисловіяхъ черниговскаго Полуустава 1703 года и „Зеркала“ 1705 года. Можетъ быть эта благотворительность проистекала изъ того, что и мать Мазепы Марія была монахиней, а впоследствии игуменьей Печерскаго Вознесенскаго монастыря и жила въ Ватуринѣ, гетманской резиденціи. По церквамъ малорусскимъ разсѣяны многочисленныя вклады Мазепы: въ Кіево-Софійскомъ соборѣ есть вложенный имъ саккосъ; въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ есть два великолѣпныхъ евангелія; въ 1701 году, какъ строитель

Переяславскаго Вознесенскаго монастыря, онъ подарилъ туда извѣстное ресопницкое евангеліе. Въ 1700 году были переведены на его счетъ толкованія Григорія Двоеслова на книгу Іова. Въ 1708 году въ Алеппо было издано на счетъ гетмана евангеліе на арабскомъ языкѣ. Эти достоинства Мазепы упомянуты даже и въ современныхъ ему виршахъ, сочиненныхъ по случаю его измѣны. Конечно такой гетманъ—покровитель ученыхъ долженъ былъ покровительствовать и нашему святителю; это и произошло и на самомъ дѣлѣ. Димитрій между тѣмъ не оставлялъ своихъ работъ по Четъ—минеемъ и даже составилъ въ сентябрѣ 1687 года указатель для облегченія работы.

Въ то время во внутренней жизни русскаго государства назрѣвалъ другой вопросъ, вопросъ реформы и ея направленія. Этотъ вопросъ былъ тѣсно связанъ съ другимъ вопросомъ о культурномъ вліяніи Малороссіи и ея духовенства.

Польское вліяніе рѣзко отразилось и въ церковной сферѣ. Многіе религіозные обычаи въ южной и западной Россіи польскаго происхожденія. Въ Минской губерніи и въ другихъ мѣстностяхъ среди древнеправославныхъ доселѣ сохранились обычаи имѣть въ притворѣ кропильницу и въ ней мочить руку для крестнаго знаменія при входѣ въ церковь, цѣловать церковный полъ и лежать на немъ крестомъ, ставить кресты для долголѣтія дѣтей, поститься въ среду свѣтлой недѣли для избавленія отъ градобитій, справлять общія поминки 26 октября, устилать полъ соломой въ Рождество, носить „шкаплеры“, т. е. вензеля Іисуса Христа и Дѣвы Маріи, съ обѣтомъ читать въ извѣстное время „Богородице Дѣво“ и „Отче нашъ“, пѣть канты, читать пассіи (даже въ Кіевѣ) и пр. (арх. Николай „Опись минской епархіи“, стр. 308—315). Объ испорченности или, по крайней мѣрѣ, объ оригинальности обрядовъ южнорусской церкви писалъ уже около 1536 года супрасльскій архимандритъ Сергій Кимбаръ кіевскому митрополиту Макарію 11. Кстати укажемъ вообще тѣ

уклоненія, которыя могли рѣзко броситься въ глаза православнымъ великоруссамъ. Таковы были слова: „Святая Святымъ“, произносимыя въ чинѣ вѣнчанія при поднесеніи вина жениху, приобщеніе агіазмой (богоявленскою водою), хожденіе причта во время выноса позади гроба, употребленіе бѣлаго вина, прибавленіе одной теплоты въ чашу, ношеніе дискаса не на головѣ, а на плечѣ, особое чиноположеніе Кіевософійскаго собора, отличное и отъ греческаго, особый пирогъ, даваемый священнику при крещеніи, отправленіе службы Божіей „забавно“ съ музыкой (при погребеніи гетмана Золотаренка въ Нѣжинѣ), наконецъ обычай перевязывать правую руку шаферамъ при вѣнчаніи и заставлятъ ихъ держать вѣнчальные свѣчи и т. д.

Кромѣ обрядовъ, что, конечно, было не такъ важно, польшина коснулась и нѣкоторыхъ догматическихъ вѣрованій, не возбуждавшихъ въ то время особеннаго вниманія въ антикатолической литературѣ. Таковы католическія ученія о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, о чистилищѣ *), о времени пресуществленія Святыхъ Даровъ **).

*) Въ книжкѣ Голятовскаго „Души людей умершихъ“ 1687 года въ раздѣленіи ада на геену и отхлань, какъ бы слышится намекъ на римское чистилище (Сумцовъ, Іоаннъ Голятовскій, стр. 82). См. также катихизисъ Лаврентія Зизанія („Прав. Собесѣдникъ“ 1855 г., III, 129—130).

**) Г. Мирковичъ (О времени пресуществленія св. Даровъ, Вильна 1886, стр. 36) предполагалъ, что первыми русскими служебниками, въ коихъ приведены латинскія тенденціи, являются служебники Гедеона Балабана, Стратинъ 1604 г., и виленскій 1617 г. Но Н. В. Покровскій указалъ, что о приклоненіи головы іереемъ предъ произнесеніемъ словъ Спасителя въ литургіи вѣрныхъ упоминается уже въ 16 столѣтіи и въ великорусскихъ и греческихъ служебникахъ, таковы служебники греческіе XV вѣка (Синодальн. № 279 л. 280) и Новгородскій XV—XVI (№ 530 л. 46 об.). Во всякомъ случаѣ, только въ служебникѣ 1617 г. слова Христа: «Примите» и пр. прямо названы формой, т. е. «образомъ

Конечно, всё эти уклонения ни мало не свидѣтельствовали о неправославии Малороссіи, кровью своихъ мучениковъ отстоявшей свое исповѣданіе, но тѣмъ не менѣе они не замедлили всплыть при политическомъ присоединеніи Малороссіи къ Россіи, а особенно при церковномъ ея подчиненіи Московскому патриарху. Все пришлось одно къ одному: высокое о себѣ мнѣніе малорусской церкви, считавшей себя просвѣщеннѣе своей метрополіи Москвы и привыкшей подъ властью константинопольскаго патриарха почти къ полной независимости; пронырливость грековъ, терявшихъ, благодаря образованнымъ малороссамъ и недовѣрчивымъ раскольникамъ, почву изъ—подъ ногъ въ Московскомъ государствѣ; необразованный и подозрительный патриархъ Іоакимъ и мягкій гуманный князь Василій Васильевичъ Голицынъ; стрѣлечкія волненія и іезуитскія козни; политическая борьба партіи Милославскихъ и Нарышкиныхъ.

Въ латинскихъ заблужденіяхъ обвинялись патриархомъ чуть ли не всё книги, написанныя и напечатанныя въ южной Россіи (напр. Требникъ Великій К. 1646; Служебникъ, Вильно 1617; „Миръ съ Богомъ“, К. 1669; „Мечъ духовный“, К. 1666; „Катихизисъ Могила“, К. 1645). А между тѣмъ малорусскія книги имѣли широкое распространеніе не только въ Западной, но и въ Московской Руси.

або свершеніемъ тайны“ (стр. 37). Тоже мнѣніе высказано въ Дидаскаліи Кутейнскаго монастыря 1637 г., въ служебникѣ Петра Могила 1638 года и др. Самъ Евфимій въ своемъ „Воумленіи іереямъ“ (Синод. № 297) приписывалъ пресуществленіе словамъ Христа Спасителя и лишь впоследствии (рук. № 298) исправилъ свое мнѣніе. Если принять, что „Слово о благоговѣнномъ слушаніи литургіи“ (Синодальн. № 147, л. 303) принадлежитъ патриарху Іоакиму, какъ написалъ въ оглавленіи этой рукописи владѣлецъ ея, св. Дмитрій Ростовскій, то окажется, что и самъ патриархъ требовалъ когда то поклона при словахъ Христовыхъ (то же и въ Уставѣ 1682 года).

Въ мартѣ 1688 года патріархъ, не спросивши, нужны ли еще посланныя имъ въ Кіевъ св. Димитрію макаръевскія четъ—минеи за декаарь, январь и февраль, потребовалъ ихъ назадъ сначала отъ Варлаама Ясинскаго, архимандрита Печерскаго, потомъ отъ митрополита Гедеопа, и не отдалъ ихъ впослѣдствіи, при пріѣздѣ св. Димитрія въ Москву въ августѣ 1689 года. Отсылая минеи патріарху, онъ искалъ (отъ 15 марта) „не потребное вашего верховнѣйшаго архипастырскаго благословенія“ для напечатанія житія святыхъ. Но Іоакимъ не удостоилъ его отвѣта. Тогда Лавра, принявъ на свой счетъ всѣ издержки, рѣшила на свою отвѣтственность отпечатать первую четверть Миней Димитрія, такъ же, какъ отпечатала и „Вѣнецъ Христовъ“, т. е. бозъ патріаршаго разрѣшенія. Печатаніе началось 2 іюля 1688 года. Димитрій пріѣхалъ въ Печерскій монастырь въ январѣ 1689 года, чтобы печатать октябрь. Книга, оконченная въ январѣ, была рассмотрена не только архимандритомъ Варлаамъ и соборными старцами, но и митрополитомъ Кіевскимъ и архіепископомъ Черниговскимъ. Варлаамъ послалъ отпечатанную минею патріарху вмѣстѣ съ извинительнымъ письмомъ. Въ письмѣ, изложивши вкратцѣ исторію написанія Четъ-Миней въ Кіевѣ и упомянувъ о раньше давномъ еще при архимандритѣ Иннокентіи Гизелѣ благословеніи самого Іоакима, Варлаамъ просилъ милостиво принять книгу и поднести ее „самому пресвѣтлѣйшему монаршему маестату“ и не отказать въ высылкѣ слѣдующихъ книгъ Макарьевскихъ миней. Іоакимъ, получивши печатаемая безъ его просмотра книги, написалъ строгое порицаніе Варлааму. „Списавъ Макарьевскія минеи было вамъ прислати и наши книги и ваше съ нихъ преписаніе и намъ было то ваше преписаніе... Соборно свидѣтельствуютъ исправити... Ваше же преподобіе сотвористе не по своему обѣщанію, пренебрегше архипастырское наше повелѣніе... сами типомъ издасте безъ досмотрѣнія и благословенія“. Досталось и составителю:

„приложисте нѣкія словеса церкви... необычныя. Первое о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы, о чемъ и у латиномудрствующихъ запрещено толковать подъ всякими церковными и гражданскими казнями *). Второе въ именахъ творцовъ и лѣтописателей житій положисте Иеронима, его же именовасте учителя православнаго. Третіе—и у васъ же мало пѣчто прежде сего напечатася книга названія „Вънецъ Христовъ“ и тамо приписасте яко нашимъ патриаршескимъ благословіемъ, и сія третія неправда: мы не токмо благословія не подахомъ, но и запрещеніе наложихомъ“. Въ заключеніе Іоакимъ требуетъ перепечатать листы, гдѣ изложено ученіе о непорочномъ зачатіи и раздать получившимъ эти книги, „а которыя не розданы... въ тѣ вложить до нашего указа, подъ нашимъ архипастырскимъ запрещеніемъ и подъ церковною казнію... отнюдь не раздавати дождеже упразднившеся совершенно разсмотримъ; нынѣ бо непразнество ино имамы. А впредь вамъ „каковы книги случится печатати, первѣе къ намъ объявити и написавъ присылати“.—Это обвиненіе сильно поразило Димитрія, онъ даже намѣре-

*) Дѣйствительно вопросъ этотъ тогда возникъ среди уліатовъ. Епископъ Кипріанъ Жоховскій спрашивалъ (4 авг. 1678 г.) разрѣшенія своихъ сомнѣній въ Римѣ, такъ какъ въ Россіи запрещеніе почитать непорочное зачатіе св. Дѣвы вызоветъ бурю. Служба же тому зачатію ежедневно совершается въ жиговицкомъ (Жиговиціенце) монастырѣ (Theiner, *Monuments historiques relatifs aux regnes d'Alexis Michaelovitch Teodor III et Pierre le Grand czars de Russie*. Rome 1859, стр. 140). Печатныя данныя изъ юнорусской литературы XVII в. сведены у Гагарина „Любопытныя свидѣтельства о непорочномъ зачатіи Богородицы“ Леманъ 1858 г. и критикъ на нее „Христіан. Чтеніе“ 1859 г. № 11. Строевъ указываетъ на рукопись Н. Столбенской пустыни № 43 о зачатіи пр. Богородицы (Библ. Словарь 393. Ср. Горскаго опис. синод. рукоп. IV 480 и Полоцкаго Жезль правленія л. 16. Макарій XII, 117, Филаретъ, Ист. стат. описаніе черниговской епархіи 11, 146.

вался отвѣчать на него и собиралъ матеріалы для поддержки своихъ мнѣній *).

13 февраля 1690 года патріарху Іоакиму было послано письмо, съ просьбой дозволить продолжать печатаніе миней; съ этимъ письмомъ прибылъ въ Москву 14 марта казнодѣй (проповѣдникъ) кіевскій Елисей Завадовскій. Но 17 марта Іоакимъ скончался. Завадовскій билъ челомъ Великимъ Государямъ о выдачѣ жалованья и объяснял, что съ нимъ присланы къ святѣйшему патріарху письма... и волею Божіею патріарха не стало, и онъ тѣхъ писемъ никому отдать не смѣетъ. Письма были взяты въ малороссійскій приказъ. Изъ нихъ узнали, что указанные патріархомъ листы „нѣкоторые“ по повелѣнію его посылаютъ изъ лавры и просятъ благословенія впрядь новые мѣсяцы печатать и тѣ готовые продавать и до церквей даровать“. Въмѣстѣ съ тѣмъ были посланы и объясненія погрѣшностей. Іеронимъ де называется свя-

*) Въ его *Notra per alphabetum* (собственноруч. рукоп. 1708 г. въ Синод. Библ. № 187, л. 97 и сл.) читаемъ: *Maria B. V. Выписки изъ книги: De conceptione Beatissimae Uirginis Mariae Baronius in Appar. XLIII. f. 17. C. Damascenus de nativitate B. U. M. ser. 1 Ioannis de Carthagena 1. lib. 7.* Въ той же рукописи на л. 238 мы читаемъ: „Въ великой минеи четѣ, яже въ соборней церкви патріаршей на Москвѣ, августа мѣсяца на листу 896 о Іеронимѣ и Августинѣ обрѣтается свидѣтельства сицевая: первый Іеронимъ пресвитеръ старѣйшій великія церкви римскія, просія же учительствомъ въ церкви Божіей, отъ Долматіи рожденъ, всегда же пресвятѣйшимъ житіемъ поживѣ“... О св. Іеронимѣ въ евангеліи московскаго типа: житіе св. Марка евангелиста, написано отъ святаго Іеронима. Тріодъ постная въ субботу сырную пѣсень Ө стихъ Б: „съ Іеронимомъ и Германомъ всечестнымъ, яко божественніи свѣтильницы, да поются“. Въ сочиненіи святителя „Поклоненіе пр. Богородицѣ“ и теперь еще читаемъ: „Поклоняются Твоему безгрѣшному зачатію и рожденію отъ святыхъ родителей Іоакима и Анны“ (Соч. 1 стр. 276. Рук. Титова, № 100, л. 70 об. и др.). Въ „Богословскихъ вопросахъ и отвѣтахъ“ св. Димитрій ссылается на св. Августина (Рук. I Р. Б. Г. 1 № 201, л. 86).

тымъ тріодью постной въ службѣ сырной субботы на утрени, въ уставахъ древнихъ вилѣнскихъ и львовскихъ подъ 15 іюля и въ книгѣ „Жезлъ“ л. 50 об. О непорочномъ же зачатіи Богородицы упоминается въ Жезлѣ л. 5 об. и въ пѣсни шестой Рождеству Пресвятой Богородицы; „о семъ стязаніи во училища отсылаемъ богословскія на соборное опредѣленіе тѣ листы, два, по еще тогда намъ не было запрещенія такъ глаголати и печатати; нынѣ же безъ всякаго прекословія повинujemyся и не будемъ того воспоминать, перемѣнивъ тѣ оба листы, избравше удобне намъ о томъ молчати, а не испытovati о томъ, плѣняюще всякъ разумъ“ *).

Конечно, дѣло о разрѣшеніи дальнѣйшаго печатанія минеѣ пока, впредь до избранія патріарха, было отложено,

Мѣсто патріарха Іоакима было занято Адріаномъ, вообще благоволившимъ къ малороссамъ. 1 ноября вручилъ Дмитрію новый митрополитъ Варлаамъ „благословляющую грамоту“ патріарха Адріана отъ 3 октября 1689 г. (по московски 1690 г.).

Кромѣ минеѣ, Дмитріѣй работалъ и надъ другими побочными предметами, облегчавшими главный трудъ (Каталогъ епископовъ и патріарховъ визанійской церкви, Каталогъ митрополитовъ кievскихъ и ор.),

15 октября 1691 года была выстроена Дмитріемъ новая келія для писанія житій святыхъ, 18 она уже была освящена, а 14 февраля 1692 года Дмитріѣй оставилъ игуменство Батуриное „для спокойнѣйшаго писанія жи-

*) Моск. Арх. М. И. Д. дѣла малороссійскій св. 82 № 17. Святитель Дмитріѣй, видимо, долго держался противоположныхъ убѣжденій. Въ декабрьской минеѣ л. 92 въ „словѣ на зачатіе св. Анны, егда зачать Пречисную Дѣву Боговодицу Марію“, ученіе о непорочномъ зачатіи подтверждается ссылкой на стихи патріарха Сегрія на вечерни Рождества Богородицы: „Тако и одушевленное небо ова чистая зиждется чисто, кромѣ всякія скверны“. Ср. рук. Синодальн. библ. № 187 Notra per alphabetum, л. 97.

тій святыхъ“, и поселился въ своей кельѣ. На мѣсто Димитрія „въѣхалъ“ на игуменство 6 марта о. Пахомій Ходовичъ. Но, видимо, это не совсѣмъ нравилось митрополиту Варлааму, давнему покровителю Димитрія. 29 апрѣля 1692 года митрополитъ сдѣлалъ гетману письменное предложеніе чрезъ отца Иннокентія Монастырскаго учредить въ Батуринѣ“ чести ради гетманской протопопію, а въ монастырѣ архимандрію и архимандритомъ сдѣлать пречестного отца Димитрія, съ подчинивіемъ ему монастырей Глуховскаго, Макаковскаго и другихъ. Что отвѣчалъ Мазена—не знаемъ.

Димитрій усердно работалъ надъ минеями. Великимъ постомъ 1693 года были привезены ему изъ Гданска (Данцига) Acta sanctorum Bollaudistov: до тѣхъ поръ онъ могъ пользоваться только сборникомъ житій святыхъ Сурія и великими минеями митрополита Макарія. Для печатанія миней онъ переселился въ типографію лавры, въ Кіевъ, куда и прибылъ 9 мая.

Съ патріархомъ Адрианомъ у кіевскихъ духовныхъ были хорошія отношенія. При новомъ ректорѣ Братскаго училища Іоасафѣ Кроковскомъ, 1 іюля 1693 года, митрополитъ Варлаамъ послалъ патріарху Адриану просьбу о разрѣшеніи преподавать въ училищѣ языковъ, кромѣ греческаго и славянскаго, также латинскаго и польскаго, что и было разрѣшено. Къ Димитрію патріархъ особенно благоволилъ. Когда корректированіе миней было кончено, просматривалъ ихъ, вѣроятно, освященный соборъ при митрополитѣ, и Димитрій мирно привялъ предложенное ему маленькое игуменство Глуховское, куда и онъ „въѣхалъ въ пятокъ рано іюня 22“. Тутъ Димитрій занялся главнымъ образомъ монастырскимъ хозяйствомъ. Онъ задумалъ построить каменный соборъ. 1 января онъ заключилъ договоръ съ подрядчиками о постройкѣ каменнаго собора за 600 руб. копейками и 630 чехами (червонцами). 15 сентября 1695 года митрополитъ Варлаамъ прислалъ Димитрію храмозданную грамоту. Въ этомъ же

году, „на самомъ початку мѣсяца януаря совершися книга Житій Святыхъ другая“ (т. е. декабрь, январь и февраль). Онѣ были отправлены митрополитомъ Варлаамомъ въ Москву съ соборными киевпечерскими старцами, строителемъ монастыря Троицкаго больничнаго Никономъ и смотрителемъ киевпечерской типографіи іеромонахомъ Софроніемъ. При посылкѣ была грамота Варлаама съ просьбою милостиво принять отпечатанныя минеи, дать благословеніе игумену Димитрію, пречестному трудолюбцу, и прислать макарьевскія минеи съ объщаніемъ и предъ слѣдить за правильнымъ ходомъ дѣла. Кромѣ того подобныя же просьбы были получены патріархомъ и отъ гетмана Мазепы изъ Лубенъ отъ 8 февраля и отъ печерскаго архимандрита Мелетія Вуяхевича 26 февраля. Также самъ Димитрій отправилъ 4 марта къ патріарху грамату. Патріархъ остался доволенъ и письмами и подношеніемъ. Самому Димитрію Адріанъ послалъ „десять рублей“ денегъ и похвальную грамоту.

Слѣдующій 1697 годъ былъ годомъ неожиданныхъ событій въ жизни Димитрія. Въ ночь съ субботы на воскресенье, 17 января, скончался старый другъ Димитрія Иннокентій Монастырскій и погребенъ 18-го въ Кирилловскомъ монастырѣ, а по немъ игуменомъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, избранъ самъ Димитрій. Въ то же время епископомъ Черниговскимъ избранъ Іоаннъ Максимовичъ, извѣстный виршеплетъ, человекъ, къ которому Димитрій относился не особенно сочувственно. Больной Адріанъ поставилъ его въ Москвѣ 10 января. 7 февраля, въ субботу, скончался и настоятель Кіевпечерской лавры Мелетій Вуяхевичъ. Не долго и Димитрій былъ настоятелемъ Кирилловскимъ: неизвѣстно въ силу какихъ причинъ онъ 10 іюня былъ назначенъ на упразднившееся мѣсто Максимовича—архимандритомъ Елецкимъ, и въ воскресенье 20-го поставленъ въ архимандриты Максимовичемъ же въ Елецкой церкви Успенія Божіей Матери.

Въ томъ же іюнѣ, при приѣмѣ монастыря, Дмитрій составилъ опись монастырской казны. Тогда же, вѣроятно, Дмитрій съ братією подалъ прошеніе гетману и полковнику черниговскому Лизогубу о притѣсненіи „онисовцевъ“ черниговскими людьми и о „вдирательствѣ“ Шабельника, завладѣвшаго монастырскимъ сѣнокосомъ. Пришлось ѣздить въ Батуринъ и Глуховъ въ октябрѣ, а вернулся оттуда архимандритъ лишь въ Филипповъ постъ, 11 поября. Во время поѣздки въ Глуховъ, Дмитрій освятилъ тамъ церковь, которую самъ началъ строить въ 1693 году. Управление дѣлами Глуховскаго монастыря осталось на его обязанности вплоть до 1699 года, когда былъ назначенъ игуменомъ Мелетій Трофимовичъ.

Весь 1699 годъ былъ проведенъ Дмитріемъ въ хлопотахъ о монастырѣ и печатаніи миней. Отмѣтимъ, между прочимъ, что одинъ изъ московскихъ его знакомыхъ, Каріовъ Истоминъ, прислалъ ему житіе Іосифа Волоцкаго. Мазепа въ началѣ сентября заѣзжалъ въ Черниговъ, а 17-го Дмитрій получилъ Новгородъ-Сѣверскую архимандрію, освободившуюся со смертію Михаила Лежайскаго, и 22-го былъ уже на мѣстѣ. При отъѣздѣ свѣ подарилъ Елецкому монастырю шесть лошадей.

Къ тому времени относятся и три другихъ сочиненія св. Дмитрія: псалмы великомученику Дмитрію Селунскому, Апологія (быть можетъ, переводъ), напечатанная въ Черниговѣ въ 1700 году, „Мартирологъ вкратцѣ въ обители Всемилостиваго Спаса Новгородска-Сѣверскаго новонаписася въ лѣто 1700“. Третья книга житій святыхъ вышла въ свѣтъ въ январѣ 1700 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вячеславъ Александровичъ Гофманъ.

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Продолженіе).

Въ церковной жизни русскаго народа наступало новое время и тяжело приходилось послѣднему московскому патріарху. Петръ былъ и лично нерасположенъ къ Адриану: мы знаемъ, что царь хотѣлъ видѣть на его мѣстѣ Маркелла, митрополита Псковскаго. Это неудовольствіе особенно рѣзко проявилось въ послѣднее время жизни Адриана. Патріархъ, неблагоклонно смотрѣвшій на иноземцевъ, издалъ посланіе противъ бранобритія въ 1696 году, что, конечно, не могло способствовать добрымъ отношеніямъ его съ молодымъ царемъ. Во время болѣзни

царицы Наталіи Кирилловны, Петръ явился у ея постели въ вѣмецкомъ платьѣ. На замѣчаніе патріарха Адріана, Петръ спросилъ, считаетъ ли онъ, патріархъ, себя главою церкви и на утвердительный отвѣтъ рѣзко сказалъ:

—Зачѣмъ же ты дѣйствуешь, какъ главный надзиратель портныхъ? и пр.

Понятно, почему мы видимъ въ это время постоянное вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла.

Въ виду сумасшествія Игнатія Корсакова и смерти его, послѣдовавшей 13 мая 1701 года, приходилось выбирать новаго митрополита въ Сибирь, и здѣсь инициативу взяла на себя свѣтская власть.

Сибирь, со временъ ея покоренія, пользовалась особымъ вниманіемъ и московскаго правительства, и духовенства, и тѣмъ не менѣе дѣла ея и въ томъ и другомъ отношеніи, благодаря отдаленности мѣста и безнаказанности воеводъ, находились въ большомъ безпорядкѣ. Патріархъ Филаретъ писалъ въ наказѣ второму архіепископу Сибирскому и Тобольскому Макарію (1625—1635), чтобы онъ прежде всего былъ ходатаемъ за всѣхъ опальныхъ и гонимыхъ татаръ предъ воеводою, и всякими обычаями, какъ возможно, ихъ къ себѣ приучалъ и приводилъ къ крещенію съ любовью, а страхомъ и жестокостью ко крещенію никакъ не приводилъ. Архіепископъ обязывался, если увидитъ какое безчинство въ бояринѣ, и въ воеводахъ, и въ дьякахъ, поучать и своихъ, сначала съ умиленіемъ, а тамъ и съ прещеніемъ.

Въ 1684 году была выстроена въ Тобольскѣ первая каменная церковь, а въ 1695 году завязались и сношенія съ Пекиномъ, куда къ священнику Максиму, уведенному насильно русскими плѣбниками въ 1685 году, митрополитъ Игнатій посылалъ благословенную грамоту на освященіе перваго храма для русскихъ. О постройкѣ этой церкви и крещеніи китайцевъ Петру писалъ Випіусъ. Петръ отвѣчалъ: „то дѣло зѣло изрядно. Только для Бога поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы китай-

скихъ начальниковъ не привести въ злобу, также и езуитовъ, къ чему тамъ надобны попы не такъ ученые, какъ разумные и подкладные“.

Въ 1698 году Петръ запретилъ ссыльнымъ монахамъ строить монастыри, такъ какъ въ Сибири „мужескихъ и женскихъ монастырей, гдѣ всякаго чина православнымъ христіаномъ постригаться и спасаться, довольно число есть“.

Но Петра не интересовали духовные неурюстройства Сибири: онъ преслѣдовалъ непосредственно утилитарныя, практическія цѣли. Въ 1692 году состоялось посольство Ел. Избраннедеса въ Пекинъ для разрѣшенія торговли русскимъ караванамъ и постройки церкви. Одновременно въ Сибири строятся города: около 1693 года остроги по Селенгѣ, Нижнекамчатскъ въ 1694 году, Верхнекамчатскъ знаменитымъ Атласовымъ въ 1697 году, Большерѣцкъ въ 1700 году, въ 1701 году Верхнекамчатскій острогъ. Въ 1697 году послано 500 семействъ къ Иркутску для заселенія пустыхъ мѣстъ. Въ 1698 году поѣхалъ въ Китай первый купчина Спиридонъ Ливгусовъ, возвратившійся въ 1700 году.

18 іюня 1700 года царь послалъ указъ митрополиту кievскому Варлааму: „Для утвержденія и приумноженія въ православную вѣру и проповѣдь св. Евангелія въ идолопоклонныхъ народахъ, тако-жъ для приведенія язычныхъ народовъ въ вѣру христіанскую..., поговоря о томъ со св. патріархомъ, В.Г. указалъ..., поискать въ малороссійской области, городахъ и имонастыряхъ изъ архимандритовъ и игуменовъ или иныхъ знаменитыхъ иноковъ добраго и ученаго и благаго непорочнаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, и могъ бы Божіей помощью исподволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ челоуѣкъ приводить въ познаніе, служеніе и поклоненіе истиннаго живого Бога“. Кромѣ того новый митрополитъ долженъ былъ

привести съ собой двухъ или трехъ добрыхъ и ученыхъ иноковъ для обученія китайскому и монгольскому языку, и для служенія и ученія въ новопостроенной церкви пекинской и для того, чтобы сдѣлать богдыхана и китайцевъ склонительными къ российскимъ торговымъ людямъ. 27 декабря 1700 года послѣдовалъ именной указъ боярину Федору Алексѣевиду Головину. Великій Государь указалъ, „для избранія въ сибирскіе митрополиты, митрополита—жъ на Игнатьево мѣсто, къ Москвѣ быть преосвященному епископу Переяславскому Захарію Корниловичу, да черниговскія области Новоградской архимандриту Димитрію, кто изъ нихъ по избранію освященнаго собора на степень той сибирской митрополіи удостоиться, и что-бъ они, преосвященный и архимандритъ, пріѣзжали неотложно по нынѣшнему зимнему пути въ январѣ мѣсяцѣ или кончая въ первыхъ дняхъ мѣсяца февраля будущаго 1701 года, что-бъ по сему зимнему пути въ Tobольскъ ему попутно было возможно, а какъ и кому и съ кѣмъ, о томъ въ своей В. Г. грамотѣ повелить“.

Съ Димитріемъ въ Москву 10 февраля 1701 года прибыли: Геннадій намѣстникъ, Пармень іеродіаконъ, діаконъ Ираклій, діаконъ Моисей, три человѣка слугъ, четырнадцать конюховъ, да 12 лошадей, корму имъ велено давать противъ пріѣзда елецкаго же монастыря архимандрита Іоанна Максимовича. Архимандриту Димитрію денегъ по 6-ти алтынъ, питья по 3 кружки меду варенаго, пива потому-жъ; намѣстнику денегъ по 3 алтына по двѣ деньги, по три кружки меда, пива потому-жъ; тремъ діаконамъ денегъ по два алтына, питья по кружкѣ меду, по двѣ кружки пива; тремъ человѣкомъ слугамъ да четырнадцати человѣкомъ конюхомъ шти денегъ, питья по двѣ чарки вина, по кружкѣ пива человѣку на день. И какъ они будутъ Великихъ Государей у руки и въ той день дать имъ кормъ и питье съ поденнымъ вдвое; да имъ же давать для топлени свѣтлицъ и варенія яствъ за 6 возовъ дровъ на недѣлю деньгами по два алтына по двѣ

деньги за возъ, да для вечероваго сидѣнія по десяти денегъ, свѣчь сальныхъ на сутки, да конскаго корму двѣнадцати лошадамъ на сѣно, на овесъ по десяти денегъ лошади на сутки... Всего дать на отпуску семьдесятъ два рубля два алтына и о томъ бурмистромъ полатъ память“.

Петръ возвратился въ Москву изъ мѣстечка Биржъ послѣ свиданія съ королемъ Августомъ 8 го марта. Димитрій привѣтствовалъ его рѣчью, въ которой провель параллель между образомъ царя земного и Царя Небеснаго. Говоря о таинственныхъ четырехъ животныхъ пророка Исаи, на коихъ носится „маестать“ Царя Небеснаго, Димитрій приравнивалъ эти лица на землѣ: орлиное къ дворянскому сословію, львиное къ военному, а все „постполство“ къ лицу тельца, „яремъ повиновенія трудолюбне и тщательно носящему“. Тутъ же, говоря о войнахъ Царя Небеснаго, положившаго душу Свою за церковь, Димитрій восхваляетъ и Петра, не шадящаго своего здоровья и подставляющаго грудь непріателямъ за Христову церковь и за цѣлость отечества христіанскаго.

Черезъ полтора мѣсяца по прибытіи, 23 марта 1701 года, на крестопоклонной недѣлѣ, архимандритъ Повгородскій Димитрій, на 50 году его возраста, былъ посвященъ въ митрополиты Сибирскіе. Въ поставленіи участвовали; Трифилій—митрополитъ Сарскій и Подонскій, Исаія—митрополитъ Нижегородскій и Алатырскій и Стефанъ—митрополитъ Рязанскій и Муроскій.

Ѣхать весной въ епархію было невозможно, по причинѣ уже наступившаго весеняго половодья, и Димитрій остался въ Москвѣ и поселился пока въ Чудовскомъ монастырѣ, гдѣ была и сибирская ризница и архіерейскіе пѣвчіе, прибывшіе съ митрополитомъ Игнатіемъ на очередное засѣданіе. Сумаспешій Игнатій былъ въ Симонѣвѣ монастырѣ. Своихъ людей Димитрій отпустилъ на Украину 28 марта.

Впрочемъ, въ послѣдствіи вызвалъ къ себѣ въ Ростовъ не мало своихъ земляковъ. Время новаго митрополита было посвящено заботамъ о своей полной раскольниковъ, обширной (300 т. кв. миль), далекой епархіи и произнесению въ разныхъ мѣстахъ Москвы проповѣдей. Проповѣди Дмитрія обратили на себя вниманіе даже іезуитовъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ изъ Москвы отъ 15 сентября 1701 года: „*Similiter easdem conciones (какъ и Яворскій) fecit serviculus quidam, vir optimus nobis aequae benevolus, qui a Kioviensi monacho consecratus est metropolitо Sibiriae, vir (quod rarum) germanae sinceritatis*“. Уважаемый профессоръ М. О. Кояловичъ прибавляетъ къ этому: „Сначала іезуиты, бывшіе въ Москвѣ, считали расположенными къ нимъ не одно это лицо. Расположенными къ нимъ они сначала считали и Стефана Яворскаго и всѣхъ кievлянъ, прибывшихъ въ Москву, даже утверждали, что всѣ эти кievляне—тайные униаты и что они составляютъ тайное общество въ одномъ московскомъ монастырѣ; но потомъ іезуиты сильно разочаровались въ кievскихъ ученыхъ и оглуломъ обзывали ихъ казаками“. Указомъ 1698 года, въ слѣдствіе недостатка жалованья служащимъ людямъ, у сибирскихъ церквей, имѣвшихъ землю, отнята была руга, но тѣмъ не менѣе въ 1701 году было слѣдано распоряженіе для „Дмитрія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго съ 150 церквей на нынѣшній 1701 годъ 15 рублей, да на прошлые со 196 по 208, сентября по январь 1700 за треть года да 1700 годъ всего 215 рублей... и тѣ деньги взяты“.

6 іюля 1701 года въ Тобольскѣ былъ страшный пожаръ, въ которомъ сгорѣли 5 церквей и дѣвичій монастырь. Сгорѣли и списки крестьянъ сибирскихъ архіерейскихъ вотчинъ, и поэтому митрополитъ послалъ въ Тобольскъ промеморію, для вытребованія новыхъ списковъ изъ тобольской приказной палаты. Въ 1701 году обратились Вогуды и возможно, что тогда же были посланы протившіеся въ послѣдствіи въ 1707 году обратно въ Кіевъ

бывшіе въ Тобольскѣ для обученія школьнаго и церковнаго іеромонахи Георгій и Митрофанъ. Проживая въ Чудовомъ монастырѣ и будучи уже наименованъ митрополитомъ Ростовскимъ, Димитрій принималъ сибиряковъ. Такъ онъ благословилъ отправлявшагося на Нижній Тагилъ извѣстнаго заводчика Никиту Демидова съ сыномъ Акинѣемъ иконой Божіей Матери со стихами, тогда же составленными.

Въ томъ же 1701 году Димитрій присутствовалъ въ Преображенскомъ при спорѣ Стефана Яворскаго съ извѣстнымъ ересіархомъ Талицкимъ. Въ этому же времени относится и пожалованіе Димитрію панагіи отъ царевича Алексѣя Петровича.

Тогда же (вѣроятно въ іюлѣ) Димитрій захворалъ. За нимъ ухаживали келарь Чудовскій, Іоасафъ Колдычевскій, Θεологъ и Каріонъ Истоминоу. Больного Димитрія посѣтилъ самъ государь, и, узнавъ, что болѣзнь произошла болѣе по нравственной причинѣ, началъ спрашивать митрополита о его горѣ. Димитрій жаловался на свое здоровье, слишкомъ слабое для Сибири и на неоконченность миней. Государь отмѣнилъ свой приказъ и позволилъ Димитрію остаться въ Москвѣ и самъ хлопоталъ о розыскѣ другого подходящаго къ его планамъ лица, не только въ Кіевѣ, но даже у патріарха Досіея. 10 ноября 1701 года скончался Іоасафъ Лазаревичъ, митрополитъ Ростовскій и на его мѣсто, конечно, благодаря Стефану Яворскому, былъ назначенъ Димитрій. Постановленіе его было завершено 4 января 1702 года. На мѣсто Димитрія былъ поставленъ другой кіевлянинъ-намістникъ Филоеу Лешинскій, просвѣтитель Сибири, старый знакомецъ Димитрія, не прерывавшій съ нимъ дружескихъ связей и впоследствии. Филоеу былъ поставленъ въ воскресенье 1 февраля 1702 года. На поставленіи его были митрополитъ рязанскій Стефанъ, ростовскій Димитрій и грекъ Парееу, экзархъ Фригіи. Въ бытность свою въ Москвѣ, Димитрій былъ свидѣтелемъ многихъ важныхъ событій. Войска потерпѣли Нарвское пораженіе, для

литья пушекъ была отобрана четвертая часть колоколовъ, въ Москву было прислано злое сочиненіе Корба о стрѣльцкихъ казняхъ; 18 іюня былъ страшный пожаръ въ Москвѣ, когда сгорѣлъ Кремль и до 2000 домовъ; съ декабря введено нѣмецкое платье; 1 января праздновали Ерестферскую побѣду. Съ другой стороны и въ жизни духовенства произошли важныя реформы: 16 декабря уничтоженъ патріаршій разрядъ, въ январѣ 1701 года было указано произвести опись монастырей, не держать лишнихъ бѣльцовъ, отобрать бумагу и чернила изъ келій монаховъ. Въ февралѣ былъ учрежденъ монастырскій приказъ, начальникомъ коего слѣланъ старикъ астраханскій воевода Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ. Въ мартѣ были отданы на откупъ оброчныя статьи въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ и запрещено было мѣняться землями съ помѣщиками. Въ декабрѣ были отняты монастырскія вотчины, назначены денежныя и хлѣбныя оклады монахамъ, а остальные доходы должны были поступать въ монастырскій приказъ. Проповѣди, произнесенныя святителемъ за время съ февраля 1701 года по февраль 1702 года, носятъ на себѣ отпечатокъ, хотя и очень слабый, современности.

Заканчивая обзоръ дѣятельности св. Димитрія въ бытность его митрополитомъ Сибирскимъ, замѣтимъ, что вѣроятно къ этому же времени относится и слѣдующее преданіе. Желая узнать характеръ святителя и воззрѣнія его на политику, Государь пригласилъ его къ себѣ и усердно поилъ виномъ. Святитель исполнилъ волю Государя, но на всѣ вопросы молча отвѣчалъ одними благословеніями. 1 марта 1703 года святитель прибылъ изъ Москвы въ Ростовъ. Здѣсь начинается послѣдняя и едва ли не самая замѣчательная пора его жизни.

1 марта 1702 года, въ воскресенье третьей недѣли великаго поста, новый митрополитъ Димитрій прибылъ къ Ростову съ образомъ св. Богородицы Ватопедскія. Паства встрѣтила его съ иконою Божіей Матери Бого-

любекія съ предстоящими ростовскими чудотворцами. Святитель прежде всего вступилъ въ Спасоіаковлевскій монастырь, ближайшій въ московской дорогѣ. Помолвившись въ храмѣ зачатія св. Анны, онъ пророчески указалъ мѣсто своего погребенія въ юго-западномъ углу церкви словами: „се покой мой, здѣ вселюся въ вѣкъ вѣка“.

Что же за паства досталась святителю въ лицѣ подчипенныхъ пастырей и пасомыхъ? Самъ святитель не разъ указываетъ на недостатки духовенства. Это главнымъ образомъ опять таки невѣжество, небреженіе своихъ обязанностей при исполненіи священнослуженія и пьянство.

Состояніе темной массы, погрязшей въ бѣдности, суевѣріи, въ расколахъ, въ полной внутренней необузданности, тоже представляло неутѣшительную картину.

Въ сферу духовной власти, желая помочь упорядоченію дѣлъ, вступилось свѣтское правительство. Прежде всего сочли полезнымъ регламентировать духовное управленіе, устроить внѣшность. Въ силу этого мы и стараемся нарисовать картину оффиціальной дѣятельности какъ свѣтской власти, такъ и самого святителя Димитрія. Подъ оффиціальной дѣятельностью св. Димитрія мы подразумѣваемъ внѣшнія распоряженія по дѣламъ епархіи.

24 января 1701 года былъ учрежденъ или вѣрнѣе возобновленъ монастырскій приказъ. Вѣдомству его подлежали: управленіе патріаршими, архіерейскими, монастырскими и церковными вотчинами, устройство и содержаніе тѣхъ церковныхъ учрежденій, отъ коихъ были отобраны въ собственность государства вышезначенныя вотчины, установленіе штатовъ, назначеніе настоятелей, судебная и дисциплинарная власть надъ монахами всѣхъ монастырей; строительная часть всѣхъ церковныхъ учрежденій: отчасти устройство приходовъ, школъ, богадѣлень; посредничество въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Въ восстановленіи

ниі приказа, по словамъ М. П. Горчакова, „выражалась главнымъ образомъ идея перевода церковныхъ вотчинъ въ безусловное вѣдѣніе государства“. Тотчасъ, по учрежденіи приказа въ 1701 году, начали составляться переписи всего церковнаго имущества. По архіерейскимъ домамъ и монастырямъ были разосланы стольники, стряпчіе, дворяне и праказные. Безчисленные факты свидѣтельствуя, что управители и вообще чиновники приказа не отличались ни административными, ни нравственными качествами. Особенно тяжело отъ этой реформы пришлось крестьянамъ, бѣжавшихъ отъ громаднаго количества новыхъ податей и налоговъ, необходимыхъ для государства по случаю шведской войны. Отъ ихъ бѣгства бѣднѣли монастыри, бѣлое духовенство и архіереи. Мы приведемъ нѣкоторыя оффиціальныя распоряженія, касающіяся Ростовской епархіи.

27 февраля 1702 года указано: „монастырскія и церковныя пустыя земли отдать на оброкъ, а оброку имать вдвое и втрое, и прибить этотъ указъ по проѣзжимъ воротамъ“. 4 мая 1702 года былъ данъ указъ о корабельномъ сборѣ по 4 алтына съ деньгой со двора.

29 марта 1704 года данъ былъ указъ о переоброцкѣ и надзорѣ за архіерейскими мельницами, подтвержденный указами въ маѣ и сентябрѣ того же года.

Кромѣ отобранія церковныхъ имуществъ, правительство, какъ мы уже сказали, учреждая монастырскій приказъ, желало урегулировать и другіе церковныя неурядки и централизовать большее количество духовной власти въ руки свѣтскихъ чиновниковъ. Указы, сюда относящіеся, касаются устройства монастырей, количества причта при церквахъ и т. д.; причемъ не упускается и главная цѣль: извлечь возможно большую пользу изъ людей негодныхъ или лишнихъ къ церковному устройенію, хотя и находящихся въ церковномъ вѣдомствѣ. Такъ въ 1701 году велѣно выслать изъ монастырей всѣхъ дьячковъ, клирошанъ, келейниковъ, родственниковъ монашескихъ—

бѣльцовъ и не допускать ихъ въ монастыри и впредь. Тогда же составлены переписи монастырей, съ запрещеніемъ вновь увеличивать число братіи, уничтожены переводы изъ одного монастыря въ другой. Постриженіе вновь допускалось только съ разрѣшенія Монастырскаго приказа, въ монастыри, отправляли больныхъ, нищихъ, умалишенныхъ, а впоследствии и отставныхъ военныхъ.

Кромѣ отобранія вотчинъ, установленія новыхъ пошлинъ, зачисленія лицъ духовнаго вѣдомства въ солдаты, администрація старалась регламентировать отношенія епископа къ священникамъ и паствѣ.

Такова картина состоянія паствы и общихъ дѣйствій административной власти, непрестанно, какъ мы видимъ, вторгавшейся въ предѣлы власти духовной, правда, съ добрыми намѣреніями, но съ плохимъ ихъ исполненіемъ. Приведемъ уцѣлѣвшія данныя по оффиціальной епархіальной дѣятельности самого св. Димитрія. Изъ крупныхъ распоряженій по епархіи мы укажемъ на два намъ извѣстныхъ.

Къ 1705 году относится обширный наказъ монаху Варлааму касательно внѣшняго благоустройства. Въ этомъ актѣ чрезвычайно ясно обрисованы оффиціальные стороны дѣятельности святителя въ строѣ епархіальнаго управленія. Въ сущности указъ не представляетъ оригинальнаго сочиненія: онъ тождественъ по содержанію съ уставной грамотой патріарха Адріана — архимандриту Елфимію отъ 1 іюля 1698 года.

Въ 1708 году по указу преосвященнаго Димитрія, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и по наказу ихъ домоваго духовнаго приказа за приписью дьяка Мирона Θεоктистова, егожь преосвященнаго митрополита дома казначеемъ іеромонахомъ Филаретомъ произведена была опись Ростовскаго Бѣлогостинскаго монастыря, вѣроятно, по случаю назначенія новаго настоятеля вмѣсто Филарета.

Изъ скудныхъ данныхъ о церковныхъ пошлинахъ, составлявшихъ собственность архіерея, во всякомъ случаѣ видно, что они не были увеличены святителемъ за время его управленія, хотя размѣръ ихъ былъ очень скромный. „Лѣта 1702 окт. 22 по указу преосвященнаго Димитрія, его митрополичій казначей монахъ Илларій.... принялъ въ домовую казну—Романовскаго уѣзда съ Колокши церковной дани съ пошлинами 3 рубля, 30 алтынъ, 2 деньги. Лѣта 1705 янв. 22 видимъ тотъ же размѣръ. 1706 года окт. по указу Димитрія, а по приказу города Ярославля митрополичьяго домоваго двора намѣстника іеромонаха Рафаила принялъ десяткой понъ Никифору на Романовъ въ домовое строеніе и въ двора пошти денегъ съ двора, что на Колокшѣ, на 705, 706 и 707 съ четырехъ дворовъ, а отпись писалъ я попъ Никифору своею рукою“.

Въ 1702 году Димитрій, вѣроятно, освятилъ (антиминсы или самые храмы, не знаемъ) ярославскія церкви: во имя Пресвятыя Богородицы Толгскія съ придѣломъ священномученика Власія, выстроенную купцомъ Аванасіемъ Черницынымъ, и св. Николая Тропинскаго за Которостью.

Таковъ общій очеркъ законодательства, касающагося ростовской епархіи за періодъ 1702—1709 г.г. и административной дѣятельности святителя Димитрія по ввѣренной ему епархіи. Но эти данныя, рисующіе только чисто внѣшнюю официальную сторону дѣятельности св. Димитрія, далеко не такъ важны, какъ его внутренняя дѣятельность, направленная къ поднятію духовной стороны ввѣренной ему паствы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вячеславъ Гофманъ.

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Продолженіе).

Мы уже видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось духовенство въ епархіи святителя. Административными мѣрами, конечно, мудро было поднять его нравственный уровень, и вотъ святитель обратился къ другому оружію: посланіямъ, проповѣди и школамъ для священнослужителей. Посланія и проповѣди Димитрія вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ и прекрасный бытовой матеріалъ.

Вотъ пока данныя изъ двухъ посланій святителя, о проповѣдяхъ скажемъ ниже.

„Нѣкіе злонамѣренныя іереи—пишетъ святитель,—грѣхи дѣтей своихъ духовныхъ изъясляютъ, обличаютъ и въ прилучающихся между людьми бесѣдахъ, егда бываютъ пьяны, хвастаютъ дѣтьми духовными или въ гнѣвѣ съ укоризною поносятъ имъ“. Чтобы противодѣйствовать этому безумію, святитель написалъ „краткое увѣщаніе“ о

храненіи тайны исповѣди; „Грѣхи—камни, насъ отягчающіе, милосердіе Божіе—море; какъ камни, вверженные въ море, никому уже не вѣдомы, такъ должно быть и съ грѣхами, вверженными исповѣдью въ морѣ милосердія. Іерею, повѣдавшему тайну исповѣди, не уйти вѣчныхъ адскихъ мукъ, да и здѣсь на землѣ по градскимъ законамъ, ему слѣдуетъ языкъ созади ископати“. Не менѣе сильно возстаётъ святитель и противъ другого порока духовенства. „Іереи... лѣннятся ходити больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ, а наипаче къ людемъ убогимъ и нищимъ презирають, и много нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причастія Божественныхъ таинъ умирають“... Грозя гнѣвомъ Божіимъ, святитель говоритъ: „равно о коемждо Владыка Христосъ истязеть отъ іерея—о нищемъ якоже о богатомъ. Аще же нѣкоторый іерей, многую душъ человѣческихъ паству подъ собою имый, не можетъ самъ досмотрити всѣхъ, то придѣльный іерей да помогаетъ ему... при исповѣди и прочихъ управленіяхъ христіанскихъ“.

Другое распоряженіе святителя относится къ вопросу о храненіи святыхъ Таинъ. Последнія должны храниться не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчками, а въ церкви или въ крайности въ особой клети, на мѣстѣ честномъ, въ сосудѣ чистомъ и чтиму поклонами. Случилось Димитрію въ 1702 году на пути въ Ярославль войти въ сельскую церковь. „Егда же вопросихъ тамошняго пѣла: гдѣ суть животворящія Христовы Таины, попь той не уразумѣ словесе моего и яко недомышляя стояше, молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? попь же ни сего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереовъ рече къ нему: гдѣ запасъ? тогда онъ иземъ отъ угла сосудецъ зѣло гнустный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велию святыню“. Затѣмъ святитель увѣщаетъ священнослужителей чаще причащать прихожанъ, ибо и малые грѣхи, на которые тѣ ссылаются, могутъ приве-

сти къ духовной смерти, какъ песокъ, въ мѣшкѣ собран-
ный изъ мелкихъ песчинокъ, можетъ потопить не хуже
камня, навязаннаго на шею. Іереи должны непремѣнно
предъ причащеніемъ читать установленныя молитвы. Про-
топресвитеръ ростовскій и протоіакоу сами своими оча-
ми видѣли, какъ одинъ священникъ какой-то церкви
служилъ литургію безъ служебника и молитвъ, только дѣ-
лая нужные возгласы. Когда тѣ спросили его, почему онъ
такъ дѣлаетъ, священникъ отвѣчалъ: „уже я прочелъ слу-
жебныя молитвы въ дому“. Ему замѣтили, что это онъ не
добрѣ дѣлетъ; онъ отвѣтилъ: „азъ отъ старыхъ поповъ
сего навыхъ, и сказа по имени, отъ кого навыхъ“. Случалось,
что священники торопились при служеніи, слу-
жили не протрезвившись, въ олтарѣ сквернословили, бра-
нились матерны, просфоры попадались ржаныя и пр. Свя-
титель завѣщаетъ исправить все это и читать молитвы
съ умиленіемъ, а то молитва безъ вниманія и умиленія
„естъ кадилавица, бряцающая бнзъ огня и кадила“.

По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ іереи дол-
жены поучать народъ въ церкви отъ святыхъ книгъ, при-
лагая и отъ своего разума словеса полезныя, елико бу-
детъ возможно“.

Безграмотныхъ онъ долженъ научить молитвъ Іисусо-
вой, Царю небесный, Трисвятому, Отче нашъ, Символу
вѣры, Богородицѣ и Достойно или, покрайней мѣрѣ, мо-
литвъ Іисусовой, Отче нашъ и Богородицѣ. Этому можно
учить въ церкви послѣ литургіи и прочтенія поученія:
„пусть за священникомъ всѣ обрѣтающіеся въ церкви
аки едиными усты глаголютъ, онъ же да начинается, ска-
зую по единой точцѣ, наченъ отъ молитвы Іисусовой“.

„Іереи своихъ сыновъ по плоти, дондеже въ совер-
шенный возрастъ придутъ, да учатъ грамотѣ гораздо,
умѣли добрѣ читать по книгамъ и писать. А во еже разу-
мѣти имъ силу чтомага Божественнаго писанія, да даютъ
іереи дѣтей своихъ въ училища грамматическія въ Ро-
стовъ, идеже повелѣніемъ Великаго Государя учатъ без-

денежно, для того нарочно, что-бъ священническія дѣти не были глушы. Да егда вмѣсто отецъ своихъ сподобятся священнаго сана, умѣли бы въ церкви поучать народъ не точію книжнымъ чтеніемъ, но и наизустнымъ слова Божія сказаніемъ“ Списки чтихъ посланій были разосланы по всѣмъ церквамъ епархіи. Послѣднее распоряженіе объ ученіи приводитъ насъ къ ростовской школѣ, къ обзорѣннѣ дѣятельности которой мы теперь и обратимся.

По аналогіи съ остальными областями Московскаго государства, мы должны заключить, что и въ Ростовской епархіи были издавна такъ называемыя приходскія школы. Есть и одно косвенное свидѣтельство XVII вѣка о существованіи подобной школы въ Угличѣ, но, вообще, къ концу XVII вѣка, школы эти несомнѣнно пришли въ упадокъ. Сознывая, какъ и Посошковъ, что „вся (неустройство) прозябоша явѣ отъ ненаученія младенческаго“, святитель и рѣшилъ завести у себя элементарную школу, въ чемъ и былъ первоначально поддержанъ администраціей Монастырскаго приказа.

Изъ сохранившихся ученическихъ упражненій можно заключить, что занятія начались 1 сентября 1702 года. Училище, носившее постоянное названіе „школы“, помѣщалось въ ростовскомъ кремлѣ, близъ архіерейскаго дома, гдѣ именно, точно не знаемъ. Число учениковъ доходило до 200, изъ нихъ поименно извѣстно около 23. Большинство изъ нихъ были дѣти священниковъ, но были лица и другихъ званій.

Учителей въ школѣ было трое: учитель русскаго — Евфимій Морогинъ, латинскаго — Иванъ Мальцевичъ и предполагаемый учитель реторики — Богомодлевскій. Мальцевичъ и Богомодлевскій были видимо малороссы.

Обученіе начиналось съ русской азбуки. Вмѣстѣ съ тѣмъ учениковъ учили письму и пѣнію.

При преподаваніи Закона Божія вѣроятно первоначально заучивались молитвы. Сюда же должны быть отнесены и катехизическія наставленія, отрывокъ изъ

коихъ уцѣлѣлъ до нашего времени. Г. Никольскій упоминаетъ и о преподаваніи ариеметики, но другихъ доказательствъ, кромѣ присутствія въ классѣ доски (*tabula*), не приводитъ.

Затѣмъ преподавались языки: греческій и латинскій. Преподаваніе греческаго предписывалось вышнимъ указомъ 28 мая 1402 года, а что онъ былъ приведенъ въ исполненіе свидѣлствуютъ упоминанія (въ учебникахъ) объ ученикахъ, обученныхъ по гречески и по латыни (*et graecis et latinis litteris eruditi*). Въ письмѣ къ Іову, митрополиту Новгородскому, Димитрій говорилъ о себѣ, что онъ завелъ училище греческое и латинское...

Самое дѣленіе школы на классы было составлено сообразно изученію латинскаго языка. Учебникомъ былъ извѣстный въ свое время „*Istitutiones linguae latinae*“ іезуита Эммануила Альвара.

Кромѣ латинскаго и греческаго языковъ преподавался еще, по мнѣнію г. Никольскаго, и польскій. Это же мнѣніе подтверждаетъ и г. Знаменскій. Г. Никольскій ссылается на тетрадь латинскихъ сочиненій ученика Василія Зеленія, заключающихъ въ себѣ похвалу наукамъ и добродѣтели, но это могъ быть единичный случай частнаго преподаванія; другихъ указаній не имѣетъ.

Къ 1706 году долженъ былъ окончиться курсъ „грамматическихъ ученій“, онъ и кончился и, какъ кажется, и школа прекратила свое существованіе. Монастырскій приказъ, завѣдывавшій содержаніемъ (а отчасти организаціей и судомъ) школъ, вообще мало заботился объ ихъ поддержаніи. Прямыхъ указаній на продолженіе занятій послѣ 1705 года въ школѣ св. Димитрія мы не имѣемъ. Данныя, приводимыя изслѣдователями, о существованіи классовъ піитики, риторики и даже философіи намъ кажутся не достаточно убѣдительными.

Внутренній укладъ школы носить на себѣ чисто семейный характеръ. Это рѣзко отличаетъ нашу школу, самобытное излюбленное дѣтище св. Димитрія отъ школъ, возникавшихъ по приказу, стоявшихъ въ отношеніи къ

ученикамъ на почвѣ служебныхъ, строго—юридическихъ отношеній.

Архипастырѣ часто посѣщаль училище, самъ слушалъ и пробоваль учениковъ въ успѣхахъ. Отобравъ способнѣйшихъ, обучаль ихъ зимою, толковаль нѣкоторыя книги изъ Ветхаго Завѣта, а лѣтомъ, въ селѣ Демьянахъ объясняль Новый Завѣтъ. При богослуженіи ученики исправляли обязанности пѣвчихъ не только въ Ростовѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, какъ это видно изъ неизданнаго слова святителя на донь Бориса и Глѣба; самъ ихъ исповѣдываль и приобщаль, обѣщаль молиться за нихъ, если достигнетъ милости по смерти; увѣщеваль ихъ учиться, и болѣе прилежнымъ раздаваль деньги—„по грому на каждаго, или на двоихъ по алтыну“, и бралъ въ свои села на вакаціи. Въ время болѣзни посылаль за учениками и приказываль имъ по пяти кратъ, на воспоминаніе пяти язвъ Христовыхъ, прочитывать молитву „Отче нашъ“. И въ послѣдствіи онъ не оставляль своихъ учениковъ, свидѣтельствомъ чего можетъ служить письмо учениковъ Заленіи и Благовѣщенскаго отъ 10 октября 1708 года изъ Москвы. Величая святителя „Меценатомъ“ и „отцомъ всѣмъ“, они благодарять его, что онъ пожаловаль явить имъ бѣдвымъ премпогую милость: прислаль милостыню во время скудости.

Персейдемъ теперь къ обзору литературной дѣятельности и частной жизни святителя за Ростовскій періодъ.

Ровная, безлѣсная болотистая равнина окружаетъ древній Ростовъ, расположенный на берегу мелководнаго, но обширнаго озера Неро, съ негодной для питья водой и скуднымъ количествомъ рыбы. На берегу этого туманнаго озера раскинутъ обширный Ростовскій кремль, обнесенный каменной стѣной. Не далеко отъ собора, съ его знаменитой по строю колоколовъ звонницей, возвышается за стѣнами особаго кремля митрополичій домъ, теперь духовное училище, и небольшая двухъэтажная Бѣлая палата, обыкновенное зимнее мѣстопробываніе святителя Димитрія. На лѣто онъ уѣзжалъ въ свое любимое село

Демьяны. Главная зала Бѣлой палаты, украшенная въ то время лѣпной работой своимъ видомъ напоминала московскую палату: тотъ же низкій, толстый столбъ посрединѣ, отъ котораго идутъ своды къ стѣнамъ, и рядомъ небольшія уютныя комнаты, соединенныя въ то время переходами съ Красной палатой, расписанной изображеніями митрополитовъ. Въ Бѣлой палатѣ святитель, по преданію принималъ Петра I. Жилыя комнаты вообще небольшія были расписаны красками, остатки чего можно было видѣть еще въ 1881 году, потолки сводчатые, печи красивыхъ зелено-желтыхъ израсповъ. Всѣ эти постройки возведены преимущественно знаменитымъ митрополитомъ Ростовскимъ Іоной III Сысоевичемъ (1652—1690) и отчасти митрополитомъ Іоасафомъ Лазаревичемъ (1791—1701). Построекъ же святителя Димитрія мы не знаемъ, да врядъ ли онѣ могли и быть при крайней скудости средствъ архіерейскаго дома.

Въ этихъ то обширныхъ палатахъ, между Спасской црковью и Бѣлой палатой и поделился новый святитель Ростовскій. Комнаты онъ украсилъ портретами своего отца Саввы Туптала, архіепископа Лазаря Барановича, митрополитовъ Варлаама Ясинскаго и Стефана Яворскаго, глобусами небеснымъ и земнымъ, въ станкахъ столярныхъ и пр. Въ нихъ же помѣстилась и его библіотека около 300 томовъ, которую онъ пополнялъ неустанно,, выписывая книги изъ-за границы чрезъ Архангельскъ. Самъ святитель въ это время былъ бѣлокурый съ просѣдью худеькій человекъ, небольшого роста, сгорбленный, съ маленькой клинообразной бородкой, въ очкахъ, ходившій обыкновенно въ шерстяной ряскѣ любимаго темнозеленаго цвѣта. Изъ близкихъ къ нему людей отмѣтимъ упомянутаго іеродіакона Пармена (1709), казначея Иларія (1708), переписчика его сочиненій—бѣльца Яковлева, написавшаго портретъ святителя и племянника святителя—чернаго попа Михаила.

Прежнія средства Ростовскаго владыки было весьма большія. Но теперь, за поступленіемъ ихъ въ вѣдѣніе Монастырскаго приказа, приходилось ради всякой мелочи хлопотать чрезъ особаго „московскаго“ стряпчаго въ приказѣ, а благодаря неурядицѣ новаго учрежденія, обязаннаго доставлять непомѣрные сборы на военныя надобности, явилось оскудѣніе средствъ архіерейскихъ каедръ вообще, а въ томъ числѣ и богатой митрополи Ростовской. Средствъ не хватало даже на пустяки, и съ этой точки зрѣнія положеніе святителя было крайне тяжелое.

24 іюня 1702 года вышелъ указъ, въ силу котораго всю переписку по сбору доходовъ съ архіерейскихъ и монашескихъ земель приходилось вести не съ воеводами, а съ особо назначенными стольниками.

Святитель, бывшій въ хорошихъ отношеніяхъ съ воеводой Семеонъ Воронцовымъ, теперь долженъ былъ вступить въ непосредственныя сношенія со стольникомъ Воейковымъ, и сношенія эти сразу приняли недружелюбный оттѣнокъ.

Св. Димитрій совершалъ литургію въ Ростовскомъ соборѣ. Стольникъ распорядился бить кого-то на правезѣ. Крикъ истязуемаго былъ слышенъ въ соборѣ. Святитель послалъ просить, что-бъ истязаніе прекратили. Стольникъ отказалъ. Тогда святитель оставилъ литургію и ушелъ въ свое село Демьяны. Другой разъ дочери Воейкова громко смѣялись въ церкви во время литургіи и поученія. Оканчивая литургію, святитель произнесъ: „Благословеніе Господне на васъ, кромѣ смѣющихся, Того благодатію“ и пр.

Воейковъ, конечно, не остался въ долгу и подалъ доносъ о томъ, что архіерей прокликаетъ московскихъ людей, назначаетъ лишнихъ священниковъ и проч.

Обрисовавъ общее положеніе святителя, переходимъ къ частностямъ.

1702 года отмѣчена прекрасная, безъ схоластическихъ украшеній, проповѣдь на недѣлю предъ просвѣщеніемъ (28 декабря) о совѣсти и храненіи смиренія.

Въ 1702 году святителемъ написано „Благодарственное страстей Христовыхъ воспомяваніе, и молитвенное размышленіе и плачь на погребеніе Богоноснаго тѣлесе“.

Въ то же время, написанное святителемъ въ 1702 году лирическое произведеніе, соответствующее нынѣшнимъ малорусскимъ пассіямъ „Плачь на погребеніе Христова“ было „чтено на утрени Страстной пятницы на трисвятомъ по славословію“. Кромѣ того, въ одномъ спискѣ „Поклоненія св. Тайнамъ“ есть помѣтка: „сіи стихи новоизданные Димитрія Ростовскаго; читать ихъ повелѣлъ во своей епархіи приступаючи къ святому причастію“. Вѣроятно, это распоряженіе сдѣлано тогда же.

Съ другой стороны Димитрій продолжалъ трудиться и по Четь-Минеямъ, надъ окончаніемъ четвертой части (іюнь — августъ).

Кромѣ работъ надъ минеями, Димитрія видимо занимала мысль собрать всевозможныя свѣдѣнія о своей епархіи, что составило бы вмѣстѣ съ тѣмъ и дополненіе къ минеямъ. Первоначально это было собраніе житій святыхъ Ростовскихъ. Въ „книжкѣ различныхъ вещей неисправленныхъ, собранныхъ въ лѣто 1704 іюня въ Ростовѣ“, мы находимъ между прочимъ статьи: Богородица Толгская (икона Толгской Б. М. близъ Ярославля), Іоаннъ юродивый Устюжскій, Родословіе князей Ростовскихъ и Владимирскихъ, Описаніе соборной церкви Владимирской и нетлѣнныхъ мощей въ ней, Кто первый епископъ былъ въ Ростовѣ, Убіеніе Василя и Константина Ярославскихъ князей и чуда ихъ (3 іюля), Соломонія жена бѣсная Устюжская, чудесно исцѣлена (извѣстная легенда), Князь Давидъ и Февронія Муромскіе, Іоаннъ Власатый Ростовскій, Царевичъ Димитрій Углицкій.

9 февраля 1705 года минеи были кончены.

Вячеславъ Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Святитель Димитрій Ростовскій.

(Окончаніе).

Многолѣтній трудъ святителя такимъ образомъ былъ завершёнъ. Нечего говорить о его громадной важности для русской церкви: достаточно вспомнить, что большихъ Четьи Миней не имѣетъ греческая церковь и что Четьи Миней Димитрія доселѣ издаются, подвергаясь только нѣкоторымъ сокращеніямъ.

Примѣрять теперешнія требованія къ Четьи Минеямъ святителя или сравнивать ихъ съ Acta Sanctorum Болландистовъ, конечно не приходится. Святитель включилъ въ свои минеи кромѣ переведенныхъ, иногда съ сокращеніями, житій Метафраста, изъ Великихъ Миней Макарія, митрополита Московскаго, — Сурія, Болландистовъ и русскія житія. И не въ научности главное значеніе миней Димитрія. Онѣ дороги, какъ своего рода живая проповѣдь вѣры и любимое чтеніе русскаго народа, нравственно его воспитывающее. Оттуда же, изъ историческихъ словъ, читатель почерпаетъ объясненія различныхъ предметовъ вѣры и догматической и церковно-исторической и обрядовой ея стороны.

Въ началѣ августа 1705 года Димитрій составилъ для себя разнообразный сборникъ изъ всевозможныхъ статей его интересовавшихъ. Тутъ есть и лѣтописецъ, и о свободѣ святыя церкви 1705 года и о пресуществленіи и поученіе Іоакима, и собственныя сочиненія святителя, и разсмотрѣніе лѣтъ (хрѳнологія) и много другого. Отсюда видно, что святитель интересовался въ это время и вопросомъ о церковныхъ имѣніяхъ, и о несогласіяхъ въ счетѣ лѣтъ отъ Р. Х. и отъ сотворенія міра, и старымъ вопросомъ о пресуществленіи. Возможно, что эти вопросы объединялись однимъ желаніемъ: исторически изучить строй малознакомой ему московской церковной жизни.

20 сентября въ Преображенскомъ, въ присутствіи Государя, Димитрій произнесъ одну изъ лучшихъ своихъ проповѣдей на тему: „Терпѣніемъ стяжите души ваши“.

19 ноября, въ день преподобныхъ Варлаама и Іоасафа индійскихъ, святитель проповѣдовалъ въ ихъ храмѣ, въ селѣ Измаиловѣ на текстъ: „Царство небесное подобно купцу, ищущему бисера (Матѳ. XIII, 45—46). Слово любопытно по своему построенію.

Весь 1706 годъ святитель прожилъ въ Москвѣ. Къ періоду времени съ 1701 по 1706 годъ относится наибольшее количество проповѣдей, сказанныхъ святителемъ. Объ этомъ можно судить во-первыхъ по записямъ при этихъ проповѣдяхъ, во-вторыхъ и по внутреннему ихъ содержанію, затрогивавшему нѣкоторыя явленія современной жизни. Потому здѣсь мы и слѣдаемъ общую характеристику проповѣднической дѣятельности святителя.

Раскрытію догматовъ вѣры посвящены очень не многія изъ проповѣдей святителя; главная ихъ цѣль—выясненіе нравственнаго христіанскаго идеала. Тутъ святителю особенную службу оказали составленныя имъ Четь-Меней съ своими готовыми идеалами высокой христіанской жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ святитель не довольствовался разсужденіями общеморальнаго свойства, но откликался и на

современныя событія. Но эта отзывчивость была совершенно иного характера, чѣмъ у другихъ проповѣдниковъ Петровскаго времени. Проповѣди святителя не памфлеты Яворскаго или Прокоповича, яркихъ представителей двухъ главныхъ направленій Петровскаго времени. Святитель не вдавался въ спеціальную оцѣнку единичныхъ или частныхъ явленій и не мѣрилъ ихъ на свой образецъ. Въ его проповѣди мы не найдемъ субъективныхъ отношеній къ окружающему. Отмѣчая частныя явленія, святитель непосредственно обращается къ общему изъ нихъ выводу. Критеріемъ для него является ученію христіанской церкви, но не въ частности, а именно въ основномъ его положеніи, въ ученіи о любви къ Богу и къ человѣку. Источниками для проповѣдей служили Библия, Житія Святыхъ, Отцы нашей и западной церкви (напр. Августинъ и Тома Кемпійскій, Корнелиусъ и др.). Многіе изъ пріемовъ святителя схожи съ пріемами польскихъ проповѣдниковъ, на примѣръ Тома Млодзіановскаго: таковы риторическіе вопросы, устраненіе прямого смысла, чтобы поразить слушателей неожиданностью, мнимое недоумѣніе или возраженіе, ссылка на еврейскій текстъ для новыхъ комбинацій и т. п. Все это было результатомъ кіевской школы, имъ пройденной, и прежней проповѣднической дѣятельности ва югѣ.

Но съ теченіемъ времени все больше и больше въ проповѣдяхъ исчезаютъ уродливыя схоластическія сравненія, натянутыя параллели, темнота изложенія. Рѣчь дѣлается бойчѣе, живѣе, общедоступнѣе. Символизмъ не былъ явленіемъ чуждымъ тогдашнимъ слушателямъ: онъ былъ близокъ къ символизму народной поэзіи. Съ другой стороны аллегорія проповѣдей не была уже дикою русскому слуху при существованіи перевода малороссійскихъ *Gesta Romanum*, Великаго зеркала и другихъ сочиненій того же характера. Это направленіе имѣло тѣсную связь и съ аллегоріей театральныхъ пьесъ того времени, постройками и другими затѣями Петра, отличав-

шагося наклоностью къ „символамъ и эмблематамъ“, и преименственно шло до сказокъ императрицы Екатерины и морализованныхъ романовъ ея времени. Въ проповѣдяхъ святиителя смѣлыя параллели и оригинальныя назиданія, но вѣрныя сравненія берутся изъ современной жизни. Въ силу ассоціаціи, по смежности, видъ вещи, помянутой въ проповѣди, невольно вызывалъ у слушающихъ проповѣдь и нравственный выводъ, съ нею соединенный. Иногда въ проповѣди встрѣчаются и пословицы. Внутренній скелетъ схоластическаго построенія дѣлается почти незамѣтнымъ при живости и логичности изложенія. Въ то же время проповѣди дѣлаются все короче и короче, обличеніе рѣзче и теряется ихъ первоначальный общій характеръ.

Во всей массѣ проповѣдей мы видимъ одну главную идею, одно желаніе, одно стремленіе проповѣдника сдѣлать людей лучше и добрѣе. Последнее даже беретъ перевѣсъ, особенно въ начальный періодъ святиительства. „Любовь выше всего“—основная тема Димитрія въ первыхъ его проповѣдяхъ. Въ послѣдующій періодъ святиитель старался главнымъ образомъ выяснитъ чистоту исповѣданія православной церкви въ сравненіи съ расколомъ. Въ первомъ періодѣ выясненія обязанностей пастырей и пасомыхъ, рисуя неприглядную картину жизни современнаго общества, онъ, главнымъ образомъ, обличаетъ недостатокъ любви между людьми, отсутствіе братства, утѣшенія однихъ другими. Защищая слабого отъ власти сильнаго, не стѣняясь общественнымъ положеніемъ послѣдняго, онъ не щадитъ недостатковъ и слабого. Но преименуственно Димитрійъ является вѣрнымъ преемникомъ правилъ святиителей и древнихъ пастырей русской церкви: онъ защитникъ всѣхъ слабыхъ, всѣхъ угнетенныхъ.

Переходимъ къ дальнѣйшему обзору пребыванія святиителя въ Москвѣ въ 1706 году.

Кажется, что въ іюлѣ святиитель Димитрійъ уже уѣхалъ къ себѣ въ епархію. Такъ можно судить изъ письма его къ Ефрему, митрополиту Сербскому (отъ 15 іюля 1706 года).

Въ Ростовѣ въ отсутствіе святителя была произведена опись всего Ростова. Школа, любимое дѣтище святителя, окончательно закрылась въ его отсутствіе.

1707 годъ и послѣдующіе были годами наибольшаго Ростовскаго оскуднѣнія архіерейскаго дома. Видимо большой святитель думалъ о смерти, избавительницѣ отъ золь. Въ этомъ именно году онъ послалъ въ Троицкую церковь Кіевскаго Кирилловскаго монастыря родовую икону Божіей Матери, для постановки надъ гробомъ своего отца, а 4 апрѣля написалъ духовную. Святитель проситъ въ ней не разыскивать вотще имѣнія по его смерти и не „истязовать служащихъ его Бога ради“.

Нельзя не удивляться кипучей дѣятельности слабаго тѣломъ, но сильнаго духомъ и не унывающаго среди окружающихъ его бѣдствій архипастыря. Кромѣ своей учительской и проповѣднической дѣятельности, святитель находилъ себѣ утѣшеніе въ аскетическихъ подвигахъ: очень часто лежалъ онъ неподвижно по три часа въ крестообразномъ положеніи или выставлялъ свое тѣло комарамъ въ своемъ селѣ Демьянахъ. По преданію, на первой недѣлѣ великаго поста и на страстной святитель вкушалъ пищу только одинъ разъ.

Два предмета занимаютъ святителя за это время: расколъ въ епархіи и составленіе библейской лѣтописи (Лѣтописи кедейной),

Расколъ особенно долженъ былъ быть силенъ именно въ Ростовской области. Здѣсь былъ узелъ нѣсколькихъ торговыхъ и правительственныхъ путей. Архангельскъ, Олонецъ, Вологда съ одной стороны, Волга съ Костромой—съ другой и Рязань—съ третьей. Особенно важна Волга: „за Волгой семьдесятъ семь вѣрѣ“, говоритъ современная пословица. Взглядъ святителя на расколъ, конечно, усвоенъ имъ еще въ Малороссіи. Св. Димитрій считалъ расколъ только результатомъ невѣжества и соединеннаго съ нимъ упрямства и грубости, и съ этой точки зрѣнія обличалъ его. На невѣжество онъ отвѣчалъ преимущественно историческимъ обзоромъ возникновенія

того или другого обряда, на грубость нападок—такую же рѣзкостью обличенія. Уже въ грамотѣ отъ 23 февраля 1703 года объ открытіи школы святитель требуетъ сообщенія свѣдѣній объ расколѣ. Расколъ обличалъ онъ и въ проповѣдяхъ 1706 г.

Въ вопросахъ и отвѣтахъ краткихъ о вѣрѣ святитель также коснулся раскола. Но только въ послѣдствіи святитель обратился къ обширной работѣ, давшей въ результатъ „Розыскъ о брынской вѣрѣ“.

Для составленія своего „Лѣтописца“, Димитрій кромѣ русскихъ хронографовъ нуждался и въ иностранныхъ сочиненіяхъ. Онъ ихъ выписывалъ изъ за границы чрезъ Архангельскъ, съ помощью какого-то купца Исаакія Ванденбурга. Въ „Эпистолярѣ“ сохранились четыре письма къ этому купцу отъ 4 декабря 1707 года, 8 января и 8 ноября 1708 года и 17 ноября 1709 года.

Самый лѣтописецъ не скоро получилъ свою окончательную форму. Какъ видно изъ писемъ, святитель, написавъ отдѣльныя главы своего труда, посылалъ ихъ на просмотръ Стефану Яворскому и Θεологу и др. и выслушивалъ возраженія Яворскаго.

Въ лѣтописцѣ изложена библейская исторія до борьбы Іакова съ ангеломъ включительно. Дополненіемъ къ нему является трактатъ о богахъ эллинскихъ (по Овидію), хронологія и небольшія свѣдѣнія о монархіяхъ вавалонской и египетской. Главное содержаніе лѣтописи—изложеніе квиги Бытія съ комментаріями и добавленіями изъ различныхъ церковныхъ писателей—комплекторовъ: Корнелія а Ляпиде, Кедрина, Навклира, Буцелина, Каріона, Ключера, Г. Меркатора, Опмеера и ими цитируемыхъ классическихъ писателей и отцовъ церкви. Кромѣ того святитель пользовался своими Минеями, Минеями Макарія, Лимонаремъ, Прологомъ, Діоптрой, Овидіемъ, Кедринымъ, Дорошеемъ Монецвасійскимъ, Стрыйковскимъ, Синопсисомъ кіевскимъ и Руномъ Орошеннымъ.

Приводя выписки изъ нихъ, часто противорѣчашія другъ другу или часто фантастическія, святитель рѣдко

подвергаетъ ихъ критикѣ, оставляя на волю читателя: „ему же хошетъ, да иметъ вѣру“.

Да и главная цѣль Лѣтописца не была историческая, а преимущественно нравственная.

Ни одно изъ произведеній Димитрія не дошло до насъ въ такомъ количествѣ списковъ, какъ лѣтописецъ. Они находятся во всѣхъ собраніяхъ, и число ихъ надо считать сотнями. Все это свидѣтельствуеетъ, какъ мы уже замѣтили выше, что святитель явился представителемъ народныхъ нравственныхъ воззрѣній.

Въ это время (1708) начинаетъ чувствоваться постепенное сближеніе святителя со старорусскою партіей и сторонниками царевича Алексѣя Петровича.

8 августа 1708 года былъ полученъ указъ быть въ Москву къ 10 августа на хиротоніи новаго митрополита Кіевскаго Іоасафа Кроковскаго.

Изъ Ростова выѣхалъ святитель 10, во вторникъ, а къ вечерни, въ пятницу, 19-го былъ уже въ Москвѣ.

8 сентября Димитрій, по совершеніи литургіи въ Порѣчи, прибылъ вечеромъ въ Ростовъ, и снова обратился къ работамъ надъ лѣтописцемъ.

Розыскъ былъ законченъ въ мартѣ 1709 года. Объ этомъ святитель пишетъ къ Θεологу: „Зерцало безыменнаго творца выслушахъ, велѣлъ переписать: а книжица та воистину благопотребна, великое раскольникомъ обличеніе и постыжденіе. Когда бы та книжица прилучалася мнѣ прежде написанія моея, много быхъ отъ нея почерпнулъ. Я свою помощьюъ Божіей окончихъ. О чистилищѣ Римскомъ и о мытарствахъ много писать опасаяся: наши себѣ противорѣчатъ. Наскучило о расколѣ. Думаю о толкованіи евангелія и лѣтописецѣ“.

Содержаніе „Розыска“ видно изъ самого заглавія его: „Розыскъ о раскольнической бривской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ и изъявленіе, яко вѣра ихъ неправа, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ не богоугодна“.

Источники „Розыска“ чрезвычайно многочисленны. Изъ древнерусской литературы, переводной и оригиналь-

ной, у святителя были: грамота патріарха Филовея о стригольникахъ (103 об. цѣликомъ перепечатана), преніе Панагіота съ Азимитомъ (128), Максимъ Грекъ (10 об.), Стоглавъ (121 об.), Требникъ 1625 г. (125), Служебникъ 1645 г. (123), Обличеніе на Соловецкую челобитную Юрія Себрянина (Крижанича 1.38 об.), Книга о вѣрѣ 1648 г. (156), Ключъ разумѣнія (151), Посланія Игнатія Корсакова, митрополита Сибирскаго (111, 14—21), Знаменія пришествія антихристова Стефана Яворскаго (1.40). недошедшее до насъ посланіе Іосифа, миссіонера на Олонецкой верфи къ Викулину и Денисову (111, 23), какой-то рукописный Изборникъ (151), Алфавитъ (азбуковникъ 154).

Изъ иностранныхъ писателей упоминаются: Іоаннесъ а Кареагена, Николаусъ Лиранусъ, Якобусъ Бергамита, Я. Науклиусъ, а по рукописи Типографской Но. 401 еще: Адрихоміусъ, Корнеліусъ а Ляпиде (въ литургіи послѣ трапезованія), Ономастиконъ Геснери (о имени Іисусъ), С. Анаѳасіи, Калепинусъ (тройственное толкованіе Св. Писанія), Беканусъ (о Буллингерѣ). Кромѣ того любопытны ссылки на греческое харатейное евангеліе VII вѣка, на Московскомъ Печатномъ Дворѣ, (і 19) и четвероконечный крестъ князя Владимира, привезенный изъ Херсонеса и стоящій за престоломъ въ алтарѣ Успенскаго собора. Кромѣ того святитель пользовался и личными свѣдѣніями и сказаніями очевидцевъ.

1709 годъ засталъ святителя въ хлопотахъ по продолженію лѣтописи, которой не суждено было быть оконченной.

Вѣроятно въ октябрѣ царица Прасковья Федоровна отправилась на поклоненіе иконѣ Толгской Божіей Матери изъ Москвы въ Ярославль. Но такъ какъ за распутицей до Ярославля добратъся было трудно, то повелѣно было св. чудотворную икону принести въ Ростовъ. Димитрій, чувствуя себя нездоровымъ, позвалъ своего назначеннаго Филарета и сказалъ ему: „Се грядуть въ Ростовъ

двѣ гостыи—Царица Небесная и царица земная; только я уже видѣть ихъ не сподоблюся, а надлежитъ къ прінятію оныхъ готову быть тебѣ, казначею“.

26 октября, на день своего ангела, святитель началъ изнемогать отъ сильныхъ припадковъ кашля. Хотя онъ и служилъ литургію въ соборѣ, но поученіе поручилъ сказать по тетраджѣ одному пѣвчему, а самъ сидѣлъ у царскихъ вратъ; былъ и на трапезѣ въ Крестовой палатѣ, но ничего не вкушалъ. Въ тотъ же день онъ пріинялъ пріѣхавшаго архимандрита Переяславскаго Варлаама.

27 октября, по усиленной просьбѣ приславшей дважды своего дворецкаго монахини Варсонофіи Козинской, его постриженницы, бывшей кормилицы царевича Алексѣя Петровича, Димитрій, въ сопровожденіи архимандрита Варлаама, посѣтилъ ее, но возвратился уже подерживаемый служителями. Въ тотъ же день онъ написалъ послѣднее письмо во своей жизни—старому другу Θεологу. „Честному господицу Θεологу любезному ми. Спасетъ Богъ любовь твою, яко вся моя желанія и прошенія исполняеши. Катехизисъ еретическій прінявъ посмотрѣхъ и паки послахъ къ вамъ. Видѣлъ я его давно, когда еще въ Литвѣ бѣхъ, токмо творцовъ его позабылъ. Недослужво мнѣ о немъ упражаться, далъ бы Богъ ко-его иного охотника. Азъ же изнемогаю. Вопрошаеши мя, возлюбленне, о моемъ здравіи; поистинѣ возвѣщаю ти, яко немоществую: прежде бывало мое здравіе пополамъ: полуздравъ и полунедуженъ. А нынѣ недугованіе превозмогаетъ и едва третья доля здравія остается, обаче будто мужаются и движуся о Господѣ моемъ, въ Его же руку животъ мой. Дѣла нынѣ никакого не дѣлаю: до чего ни примусь, все изъ рукъ падаетъ; дни миѣ стали темны, очи мало видятъ, въ ноши свѣтъ свѣщный мало способствуетъ, паче же вредить, егда только въ письмо всмотрюся, а недугованіе заставляеть лежать да стонать. Въ такомъ моемъ нездравомъ здравіи не вѣмъ, что чаяти, животъ или смерть.—въ томъ воля Господня да будетъ.

На смерть не готовъ, обаче по волѣ и по велѣнію Господню долженъ готовъ быти. Силенъ же есть Владыка мой еще укрѣпити мою немощь! Есенъ сля на меня тяжела: воздухъ ростовскій зѣло худъ, а воды весьма не здоровы. Прости, возлюбленне, не могу много писать, тѣмъ челомъ бью. Грѣшнѣйшій Димитрій“.

Вечеромъ, приказавъ казначею своему іеромонаху Филарету угостить архимандрита Варлаама, святитель прошель къ себѣ и велѣлъ позвать пѣвчихъ. Св. Димитрій грѣлся у печи и слушалъ пѣніе своихъ кантовъ: „Иисусе мой прелюбезный, надежду мою въ Бозѣ полагаю, Ты мой Богъ, Иисусе, Ты моя радости“. По окончаніи пѣнія, святитель отпустилъ всѣхъ кромѣ одного любимаго своего пѣвчаго и усерднѣйшаго въ трудахъ ему помощника, писаря бѣльца Саввы Яковлева. Ему святитель разсказалъ о своей юности, о своихъ молитвахъ, и прибавилъ: „и вы, дѣти, такожде молитесь“. Наконецъ, святитель сказалъ: „время и тебѣ, чадо, отыти въ домъ свой“. Пѣвчій принялъ отъ него благословеніе, а св. Димитрій, провожая его, поклонился ему едва не до земли, благодаря за труды по перепискѣ сочиненій. Тотъ смутился, святитель еще разъ кротко сказалъ: „благодарю тя, чадо!“ и возвратился въ келію, а пѣвчій, заплакавъ, ушелъ. Отпустивъ служителей, святитель вошелъ въ особенную келію для молитвы и тамъ утромъ 28 октября 1709 года былъ найденъ почившимъ на колѣвахъ, въ молитвѣ.

Три отдѣльныхъ удара въ 2000 пудовый колоколь Ростовскаго соборнаго храма передали всѣмъ жителямъ Ростова горестную вѣсть о кончинѣ ихъ великаго архипастыря *).

Вячеславъ Гофманъ.

*) „Uelegradsky Uestnik“, 1911 г., Praha.